Ю.Н. Безелянский

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ: ПИСАТЕЛЬ

Юрий Безелянский

Опасная профессия: писатель

«Спорт»

2012

ББК 44.2

Безелянский Ю. Н.

Опасная профессия: писатель / Ю. Н. Безелянский — «Спорт», 2012

ISBN 978-5-904885-67-0

Эта книга продолжает серию писателя Юрия Безелянского о знаменитых писателях России. В жанре мини-ЖЗЛ представлены прозаики и поэты XX века, от Максима Горького до Сергея Довлатова. В компактных эссе-биографиях прослеживается не только судьба творцов, но и отражается панорама противоречивого и трагического XX века, «века-волкодава», как назвал его Мандельштам. Книга насыщена различными фактами и деталями, информационно и эмоционально. Рассчитана на широкий круг читателей, на тех, кто любит Россию и русскую литературу.

ББК 44.2

ISBN 978-5-904885-67-0

© Безелянский Ю. Н., 2012
© Спорт, 2012

Содержание

Авторское предисловие 6
Буревестник, пойманный в сети. Максим Горький (1868–1936) 8
Многоликий нарком просвещения. Анатолий Луначарский (1875–1933) 18
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Юрий Безелянский
Опасная профессия: писатель

© Безелянский Ю. Н., 2012
© Издательство «Человек», издание, оформление, 2012

* * *

Авторское предисловие

Я согласен с изречением Авраама Линкольна, что «книги нужны, чтобы напомнить человеку, что его оригинальные мысли не так уж новы». Но при этом всегда приятно узнать, что не только тебя одного обуревают какие-то тревоги и страхи, волнуют «проклятые вопросы» бытия и ты сталкиваешься с психологическими коллизиями и попадаешь в определенные ситуации, которые встречались на пути других. Короче, что ты не одинок в этом мире, и мы все одинаково «ходим под Богом», а индивидуальность лишь красивая фурнитура на нашей одежде. Хотя, возможно, я и ошибаюсь.

Жизнь замечательных людей (ЖЗЛ) интересна и полезна, но лично я, как автор, предпочитаю несколько иной формат: мини-ЖЗЛ. По натуре я не марафонец, а спринтер, и писать толстую книгу об одной персоне мне не под силу да и не очень интересно тонуть в многочисленных деталях и подробностях. Всегда можно выявить суть в коротком описании, выделить основные вехи и оттенить идеи в небольшом текстовом пространстве. Именно в таком ключе написаны мной книги «99 имен Серебряного века», «69 этюдов о русских писателях», «Золотые перья» и другие.

И вот новая книга. Произвольный подбор эссе-биографий российских писателей XX века. Сразу оговорюсь: всех охватить невозможно. Большинство выбрано под тему «Опасная профессия: писатель», «Художник и власть», «Творец и режим». В книгу попали те литераторы, которые напрямую сталкивались с «веком-волкодавом» (погибли, были репрессированы, затравлены критикой, испытали гнет и давление). Поэтому нет благополучных Шолохова и Федина, Тихонова и Маршака, хотя и им доставалось порой «на орехи». Увы, не дошли руки до Веры Пановой и Константина Симонова. Но все равно том получился увесистый и многоименный, на все литературные вкусы и пристрастия. Но еще раз подчеркну, что данная книга не имеет отношения к литературоведению, она из области человековедения. Конечно, есть упоминания о книгах и творческом процессе, но при этом высвечена судьба писателя, не только его взаимоотношения с властью, но и другие компоненты жизни: отношения к славе, к коллегам, к деньгам, к женщинам и т. д. И, конечно, боль и страдание, тоска и одиночество, неприязнь и ненависть, ревность и зависть, бескорыстие и милосердность, скупость и жадность, и прочие чувства и эмоции.

Ну, а теперь несколько слов про структуру книги. Писатели расположены в ней не по алфавиту, а хронологически, по годам рождения. И в начале не Аксенов с Бродским, а Максим Горький и первый нарком просвещения Луначарский. Такое построение дает возможность установить «перекличку» и «столкновение» между художниками, жившими в один и тот же период времени. Так легче представить эпоху и почувствовать ее аромат. А главное, через писательские судьбы задуматься о жизни. Можно, конечно, глазами сатирика: «Жить вредно. От этого умирают» – Станислав Ежи Лец. И он же: «Жизнь идет по кругу все ближе к горлу». А можно вспомнить и Пушкина, его оду «Вольность»:

Увы! Куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы…

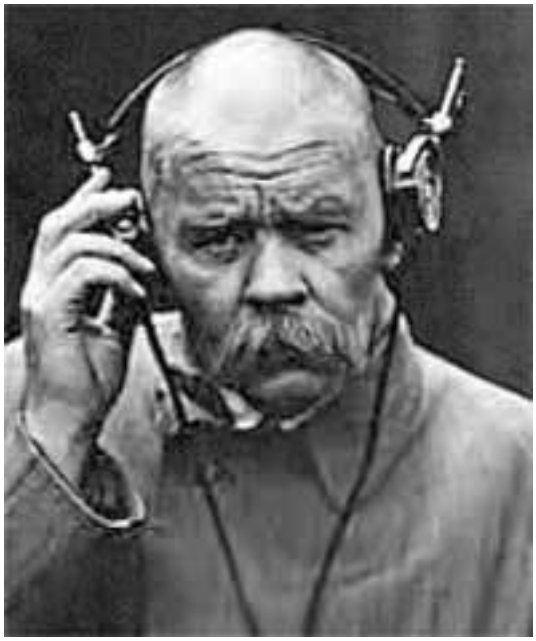
Но прочь, тоска и упадок! Отбросим в сторону мрачность. Как говорил французский критик Ален: «Пессимизм – это настроение, оптимизм – воля». Проявим волю к жизни или, по крайней мере, дочитаем данную книгу до конца. И сделаем выводы. Полезные выводы – это

те же деньги. Написал и сам ужаснулся: концовка вышла в духе современной жизни, где мало места литературному русскому языку. Один контент, драйв, сейв и хэппи-энд.

Буревестник, пойманный в сети. Максим Горький (1868–1936)

Горький прожил неровную, напряженную и сложную жизнь.
Юрий Анненков

Я люблю Горького, но он из XIX века. Он не для меня.
Нина Берберова



Линия судьбы

До недавнего времени отечественная литература напоминала двуглавого орла: одну голову русской литературы представлял Александр Пушкин, другую – советскую литературу – олицетворял Максим Горький. Так и парил орел с двумя головами, в одной связке. Но вот одну голову срубили. Остался орел, если так можно выразиться, единопушкинским. Без опасного соседства.

Действительно, Пушкин – это орел. Гордая и величественная птица. А Максим Горький все же не орел, а буревестник. Согласно словарю, это большая морская птица. Орел парит в горах, а буревестник реет над морем. Алексей Максимович, можно сказать, сам себя провозгласил гордым буревестником. Это понравилось, и Горького стали называть «Буревестником революции». Однако время русской революции прошло. Море успокоилось, и пропала необходимость в революционном клекоте – в оповещении о приближающейся буре.

Основателя советской литературы сегодня мало читают, в основном о нем пишут диссертации да громко шумят специалисты-горьковеды. А дальше – тишина. Неужели прав оказался Хемингуэй, когда-то давно сказавший про Горького: «Он был очень мертвый»?

125-летие Алексея Максимовича в 1993 году практически не отмечали. Было не до юбилея: справляли «поминки по советской литературе». Хотя на Западе имя Горького широко гуляло по страницам прессы и книг. Западные исследователи отдавали дань Максиму Горькому как человеку и художнику.

Некоторый бум произошел в 1996 году в связи с 60-летием со дня смерти пролетарского писателя. Появились новые книги («Горький без грима» и другие), на экране полыхнул фильм режиссера Сорокина «Под знаком Скорпиона», в котором Горький в ужасе прозревает и произносит до жути современную фразу: «Как они меня подставили!»

Однако от некоего шебуршания и мелькания материалов о Горьком фигура и личность писателя отнюдь не стала понятной и близкой. Он по-прежнему оставался непонятным, затерявшимся в высях. Он более миф, легенда, чем живой, во плоти человек (или по-горьковски: «матерый человечище»).

Проницательный Исаак Бабель встречался с Горьким в мае 1931 года и записал в дневнике: «День 22-го провел за городом, на даче у Алексея Максимовича. Встретились мы с прежней любовью. Впечатления так сложны, что еще до сих пор не разберусь. Но старик, конечно, такой, какого другого в мире нет».

Прошли десятилетия, но не утихают высказывания о том, что Горький – человек еще далеко не раскрытый в биографической литературе. Еще Корней Чуковский писал: «Как хотите, а я не верю в его биографию. Сын мастерового? Исходил всю Россию пешком? Не верю…» А далее Чуковский отмечал некоторые черты Горького: аккуратность, однообразие, книжность, фанатизм…

Сколько написано о Горьком, а всей точности и окончательной рельефности как не было в горьковском образе, так и нет по сей день. Буревестник-сфинкс. Буревестник-загадка.

Поэтому предупреждаю сразу, что всё, что я пишу, – это никакой не полный портрет Алексея Максимовича, а тем более в рост. А всего лишь штрихи. Некий абрис. Лирико-политические зарисовки.

Он родился 16 (28) марта 1868 года. Пересказывать биографию бессмысленно, но все же необходимо напомнить, что с 10 лет Алексей Пешков – круглый сирота. И в который раз можно поразиться его удивительным похождениям, головокружительной смене мест и профессий: Волга, Астрахань, Моздокские степи, Дунай, Черное море, Крым, Кубань, горы Кавказа… Помощник повара на корабле, продавец икон, тряпичник, грузчик, рыбак… Ну прямо российский Франсуа Вийон, а уж Джек Лондон – точно! Но вот что удивительно: казалось бы, «хождение в народ» способствует развитию любви ко всем классам, но почему-то крестьян Горький не любил, даже презирал. Ему явно не по нраву была крестьянская долготерпимость и покорность.

Босяк всея Руси был большим поклонником Фридриха Ницше и даже усы носил подобной формы, как у немецкого философа. «Босяцкое ницшеанство» Горького советские критики позднее переименовали в «революционный романтизм». Ранние герои Горького – Челкаш и Мальва – суть сверхчеловеки с босяцкого дна. Это импонировало самому Алексею Максимовичу: он не хотел быть заурядным человеком и простеньким писателем, но сверхчеловеком и непременно классиком русской литературы. И в отдельные периоды жизни он чувствовал себя и тем и другим. Были моменты и иные, когда он ощущал себя слабым и беззащитным. Не отсюда ли попытка самоубийства, происшедшая 12 декабря 1887 года (в 21 год). Как писал «Волжский вестник»: «Нижегородский цеховой Алексей Максимович Пешков… выстрелил из револьвера себе в левый бок, с целью лишить себя жизни».

Начинал Горький как поэт и в 1889 году показал Владимиру Короленко поэму в стихах и прозе «Песнь старого дуба». Короленко ее раскритиковал, и молодой автор, следуя литературной традиции, сжег свой опус.

Потом Горький перешел на рассказы, пьесы, романы, их успеху немало способствовала сама личность Горького и время, в которое он появился. Как писал Георгий Адамович: «В девяностых годах Россия изнывала от «безвременья», от тишины и покоя: единственный значительный духовный факт тех лет – проповедь Толстого – не мог ее удовлетворить. Нужна была пища погрубее, попроще, пища, на иной возраст рассчитанная, – и в это затишье, пол-

ное «грозовых» предчувствий, Горький со своими соколами и буревестниками ворвался как желанный гость. Что нес он собою? Никто в точности не знал, – да и до того ли было?..»

Аресты и заключения в тюрьму тоже способствовали его популярности (ах, как любят у нас гонимых и преследуемых!).

Горький шел путем, отличным от русских писателей-интеллигентов. Он посвятил себя ордену революционеров. Роковая связь с Лениным и с большевистской партией лишь укрепила в нем мечту о всеобщем равенстве и братстве, и вот тут Буревестник и крякнул: «Буря! Скоро грянет буря!»

Справедливости ради следует отметить, что не один Горький верил в очистительную миссию революционной бури (даже Зинаида Гиппиус жаждала перемен). Персонаж горьковской пьесы «Враги» (1906), молодой рабочий Ягодин, говорит: «Соединимся, окружим, тиснем – и готово».

Соединились. Окружили. Тиснули. И одним из первых, кто заблажил от новой жизни, был Максим Горький. Его знаменитые статьи-протесты 1917–1918 годов были собраны в сборник «Несвоевременные мысли». Политика насилия и кровь, пролитая большевиками, испугали Буревестника, хотя лично он находился при новой власти в привилегированном положении. Как писал Евгений Замятин: «Писатель Горький был принесен в жертву: на несколько лет он превратился в какого-то неофициального министра культуры, организатора общественных работ для выбитой из колеи, голодающей интеллигенции…»

Я не согласен с Замятиным, с его выражением «был принесен в жертву». Никакая это была не жертва, сам Максим Горький по личной воле играл роль жреца-спасителя, и эта роль ему нравилась. Он действительно многим помогал и многих спас от ЧК, не случайно у него не сложились отношения с лидером петроградских большевиков Зиновьевым. Клевала Горького и партийная печать. Журнал «На посту» прямо заявлял, что «бывший Главсокол ныне Центроуж».

В конце концов Горького спровадили за границу, там он осмысливал пережитое в революционной России и хмуро писал Ромену Роллану: «…меня болезненно смущает рост количества страданий, которыми люди платят за красоту своих надежд».

В Италии была совсем другая жизнь. В его доме всегда находились постоянные жильцы, гости и приживальщики. За помощью к Алексею Максимовичу обращались многие эмигрантские писатели. Он всем помогал, всех кормил, а на себя тратил ничтожную малость: папиросы да рюмка вермута в угловом кафе на единственной соррентинской площади. Полюбил он фейерверки, праздники, которыми была богата жизнь в Италии. Все это дало повод съехидничать Василию Розанову в одном из писем: «Наш славный Massimo Gorki».

И все же Россия тянула к себе Горького, к тому же новый хозяин страны Сталин предпринимал немалые усилия, чтобы заполучить писателя, побудить его к возвращению. Горький со своей популярностью, авторитетом, влиянием и значением в мировой культуре должен был украсить фасад СССР. Гуманизм Горького, по идее Сталина, должен был прикрыть преступления режима.

Интересно читать переписку Сталина и Горького. Писатель написал вождю более 50 писем, а все, кстати, эпистолярное наследие Горького составляет гигантскую цифру – 10 тысяч писем, из которых до сих пор не опубликовано более 15 процентов.

Горький – Сталину, 29 ноября 1929 года, Сорренто:

«…Страшно обрадован возвращением к партийной жизни Бухарина, Алексея Ивановича (Рыкова. – *Ю. Б.*), Томского. Очень рад. Такой праздник на душе. Тяжело переживал я этот раскол.

Крепко жму Вашу лапу. Здоровья, бодрости духа!

А. Пешков».

Так и тянет скаламбурить, что Пешков остался пешкой в сложной политической игре вождя. В конечном счете Горький и был пожертвован как пешка, когда выполнил свою функцию гуманистической вывески Советской страны и стал раздражать своим чрезмерным человеколюбием. Но это произошло не сразу. Поначалу Горькому всё понравилось по возвращении на родину. Он верил в происходящие в стране процессы и ни на секунду не допускал, что они сфабрикованы. Клеймил «врагов народа»: «Если враг не сдается – его уничтожают» – печально знаменитая статья Горького в «Правде» от 15 ноября 1930 года. Дружил с наркомом внутренних дел Ягодой. «Освятил» рабский труд заключенных на Беломорканале. Провел Первый съезд советских писателей. Он много сделал позитивного для Сталина и Страны Советов. Был за это возвеличен и восхвален (город Горький, улица Горького, театр имени Горького и т. д.). Жил Горький в своеобразной золотой клетке, бдительно охраняемой НКВД, многое не увидел и многого не понял, но постепенно начинал прозревать, ведь не случайно, что он так и не написал панегирик Сталину, которого от него так ждали. Рука не поднялась?..

«Предлагаю назвать нашу жизнь Максимально Горькой», – как-то пошутил Карл Радек. Но писателю было не до шуток. Отношения с вождем становились все более напряженными, смею предположить, что оба – Горький и Сталин – разочаровались друг в друге.

Горький дважды пережил драму личного сознания: в начале революции, в 1917–1918 годах, и в середине 30-х, на взлете строительства социализма. Судя по письмам и высказываниям, он горько жалел, что стал соавтором и соучастником величайшего иллюзиона XX века – строительства государства справедливости и правды, счастливого единения рабочих и крестьян при массовом истреблении остальных «враждебных» классов.

Горький умер накануне приезда в Москву двух интеллектуалов Запада – Андре Жида и Луи Арагона. Весьма вероятно, что он высказал бы им все наболевшее. Но эта «исповедь» не состоялась. Зловещим знаком предупреждения стала катастрофа гигантского самолета «Максим Горький», случившаяся за год до смерти писателя – 18 мая 1935 года.

Не будем муссировать смерть Буревестника: убили, отравили, валить всё на «железную женщину» – Марию Будберг. Не это главное: умер он естественной смертью 18 июня 1936 года или его «убрали». Главное то, что он был Буревестником в клетке. В сетях. Скованным и фактически замурованным. Он выполнил свою историческую миссию «освещения» революции и вынужден был покинуть сцену. Роль сыграна. Мавр оказался ненужным.

Поэт Александр Прокофьев вспоминал: «Умер Горький. Вызвали меня из Ленинграда – и прямо в Колонный зал. Стою в почетном карауле. Слезы туманят глаза. Вижу, Федин слезу смахивает. Погодин печально голову понурил. Вдруг появился Сталин. Мы встрепенулись и… зааплодировали».

Хороший эпизодик, не правда ли? Он говорит о многом.

Христианский мыслитель, историк культуры и, естественно, эмигрант Георгий Федотов откликнулся статьей «На смерть Горького». У нас она малоизвестна, и поэтому имеет смысл привести отрывок из нее:

«Горький никогда не был русским интеллигентом. Он всегда ненавидел эту формацию, не понимал ее и мог изображать только в грубых карикатурах… Горький не был рабочим. Горький презирал крестьянство, но у него всегда было живое чувство особого классового самосознания. Какого класса?.. Тех классов или тех низовых слоев, которые сейчас победили в России. Это новая интеллигенция, смертельно ненавидящая старую Россию и упоенная рационалистическим замыслом России новой, небывалой. Основные черты нового человека в России были предвосхищены Горьким еще 40 лет тому назад… Он всегда был с еретиками, с романтиками, с искателями, которые примешивали крупицу индивидуализма к безрадостному коллективизму Ленина… Добрая прививка ницшеанства в юности сблизила Горького с Лениным в этой готовности бить дураков по голове, чтобы научить их уму-разуму. Но, в отличие от Ленина, Горький не заигрывал с тьмой и не раздувал зверя. Тьме и зверю он объявлял войну и долго не хотел

признавать торжества победителей. Горький эпохи Октябрьской революции (1917–1922) – это апогей человека. Никто не вправе забыть того, что сделал в эти годы Горький для России и для интеллигенции…»

Говоря о 30-х годах, Федотов восклицает:

«Как он мог не заметить страданий народа, на костях которого шла стройка? Как он мог смешать энтузиастов с чекистами и скрепить своим именем бесчеловечность беломорской каторги? Что это? Слепота? Наивность?.. В каком-то смысле слепота усталости, которая не хочет правды. Слишком горька правда, и старый человек хочет успокоиться на подушке «достижений»…»

Федотову в эмиграции было легко писать всё, что он знал и думал. Но Горький жил в центре ГУЛАГа, о чем кричит одна из его записок: «Как собака: всё понимаю, а молчу».

Можно согласиться с выводом Дэна Левина в книге «Буревестник» (1965) о том, что Горький осознал, что прожил жизнь «не на той улице», и вложил это трагическое признание в уста Егора Булычева.

Как у человека, так и у личности Максима Горького – трагическая судьба. А судьба писателя Горького? Тоже непростая. Он хотел писать, как Бунин и Леонид Андреев, а писал, естественно, как Максим Горький. Русские писатели-эмигранты невысоко ставили всё то, что делал Алексей Максимович. Борис Зайцев утверждал, к примеру, что «литературно Буревестник убог… невелик в искусстве, но значителен, как ранний Соловей-разбойник. Посвист у него довольно громкий…»

Итак, литературный посвист…

Другие мнения: реалист, бытовик, или, как выразился Виктор Шкловский, «очень начитанный бытовик» («Детство», цикл «На Руси», добротные «Артамоновы» и т. д.).

Лучшая книга, на мой взгляд, – «Жизнь Клима Самгина», настоящая эпопея об интеллигенции, хотя Борис Парамонов (русский писатель, живущий на Западе) утверждает, что это всего лишь «мемуары плебея-комплексанта». Не согласен. Прекрасная книга, не потерявшая актуальности и сегодня. Вот вам маленький отрывочек:

«– Сотенку ухлопали, если не больше. Что же это значит, господа, а? Что же эта… война с народонаселением означает?

Никто не ответил ему, а Самгин подумал и сказал: – Это – не ошибка, а система».

Ну что ж, заканчивая эти грустные строчки, вслед за Максимом Горьким зададим сакраментальный вопрос: «А был ли мальчик?»

Российский вопрос-фантом. А была ли империя?..

Линия любви

Получается, как в хиромантии: линия судьбы… линия любви… О первой мы уже рассказали, приступим ко второй. В романе Горького «Жизнь Клима Самгина» в уста диакона вложены следующие примечательные слова: «Любовь эта и есть славнейшее чудо мира сего, ибо хоть любить нам друг друга не за что, однако ж – любим!»

Женщины занимали в жизни Горького, без всякого преувеличения, большое место. Существуют люди холодного склада, с очень приглушенным темпераментом, для которых любовь и секс играют подчиненную, функциональную роль, поэтому они практически не переживают и не мучаются из-за встреч и разлук, не испытывают никакой «зубной боли» в сердце, по выражению Генриха Гейне. А есть люди, для которых женщина – почти всё в жизни: и неодолимое влечение, и сердечная мука, и стимул к творчеству, и еще многое… Именно таким был Максим Горький. Он с юных лет откровенно тяготел к женщине, считая ее воплощением человеческой красоты.

Когда Горькому было тринадцать лет, он страстно влюбился в молодую вдову. А увидя однажды ее обнаженной, онемел от восторга. «В ее обнаженности было что-то чистое», – признавался он позднее. Горький посещал вдову по воскресеньям. Как правило, она охотно беседовала со своим юным обожателем, лежа в постели. И поза лежащей женщины, естественно, лишь распаляла будущего пролетарского писателя. Но однажды, по обыкновению придя к ней, Горький застал ее в постели с мужчиной, причем вдова при этом даже не покраснела. Мужчина – это одно, а взирающий на нее влюбленными глазами юнец – это совсем другое. То, что было для нее обычным, житейским делом, для Горького стало потрясением: для него любовь была чем-то возвышенным и неземным, а тут плотские ласки, грубое «хапанье» руками. Отзвуки этого юношеского потрясения можно найти в недоумении Лидии Варавки (в романе «Жизнь Клима Самгина») после первой интимной близости: «И это всё. Для всех одно: для поэтов, извозчиков, собак?.. Но согласитесь, что ведь этого мало для человека!»

Однако позднее Горький осознал, что любовь возникает из естественной жажды обладания, как мы говорим сегодня, из зова пола (по-английски sex appeal). Вот такую любовь романтическую, но замешенную на плотском желании испытал Горький к Марии Деренковой. Любовь вышла безответной, и 12 декабря 1887 года 19-летний Горький стрелялся. Самоубийства не получилось, но и попытка имела серьезные последствия: пуля попала в легкое, и впоследствии развился туберкулез, из-за которого Максим Горький страдал всю оставшуюся жизнь.

Эпизод с попыткой самоубийства, по всей вероятности, лег в основу горьковского «Рассказа о безответной любви». Героиня рассказа – провинциальная актриса Лариса Добрынина – довела до самоубийства одного юного поклонника и по этому поводу говорит второму воздыхателю: «Вот… убил себя милый, умный мальчик, потому что я не уступила его желанию. Но – что же мне делать? Неужели я должна покорно отдаваться в руки всех, кто меня хочет? Брагину, который третий год ожидает своего часа, вам – вы ведь, конечно, тоже надеетесь видеть меня на своей постели? Но, послушайте, неужели за то, что Бог наградил меня красотой, я должна платить каждому, кто ее хочет, если даже он противен мне?..»

Кто знает, может быть, именно этими словами и отказали Горькому, они врезались ему в память, а потом всплыли за письменным столом? Возможно, возможно…

И еще одна цитата из того же горьковского рассказа:

«В тот день была одна в белом кружевном платье, и сквозь кружево сияет тело ее, – смотреть больно. Все на ней белое, чулки, туфельки, каштановые волосы коронуют голову ее, и сердито-насмешливо улыбаются глаза. Лежит на кушетке, туфля с ноги упала, пятка круглая, точно яблоко. В комнате – солнце, цветы, – невыразимо великолепна была она в цветах и солнце. Страшная сила красота женщины, сударь мой…»

Конечно, горьковское письмо не бунинское, оно победнее в словах, менее узорчатое и без изысков, но напор, пожалуй, тот же, что у Бунина: того и другого женщины буквально завораживали. Но мы с вами отвлеклись. Итак, была у Горького несчастная любовь и попытка свести счеты с жизнью. Но что обычно лечит сердечные раны? Конечно, последующая встреча с другой, более доступной и податливой женщиной. Так произошло и у Горького.

На пути его встретилась Ольга Каменская (или, по некоторым источникам, Каминская), опытная особа, старше Горького на десять лет. Встреча произошла спустя полтора года после покушения на самоубийство. В рассказе «О первой любви» Горький почти автобиографически признается: «Я был уверен, что именно эта женщина способна помочь мне не только почувствовать настоящего себя, но она может сделать нечто волшебное, после чего я тотчас освобожусь из плена темных впечатлений бытия, что-то навсегда выброшу из своей души, и она вспыхнет огнем великой силы, великой радости». Опять же из этого отрывка встает фигура Горького как неисправимого романтика: великая любовь, великая радость… В жизни происходят, конечно, и любовь, и радость, но без этого велеречивого прилагательного «великий».

Хочется великого, – это понятно, – но происходит всегда обыденное, а то и просто заземленно-забубенное. Хотя в случае с Ольгой Каменской про забубенность не скажешь, скорее тут видится некая пикантность ситуации: фактически она делит любовь между двумя солидными мужьями и пылким любовником Горьким. К тому же у Каменской на руках ребенок. Но что Горькому до всего этого? Он влюблен, он ослеплен, он жаждет быть вместе с любимой женщиной и предлагает ей развестись с официальным мужем, бросить неофициального и жить только с ним. Каменская отказывается от такого варианта, и они расстаются.

Однако судьба свела их через два года в Тифлисе. Каменская разведена, она свободна как птица, а в груди Горького по-прежнему не унимается костер собственных чувств.

Искры этих чувств вспыхивают на страницах рассказа «Макар Чудра».

«Мне до безумия хочется обнять ее, но у меня идиотски длинные, нелепо тяжелые руки, я не смею коснуться тела ее, боюсь сделать ей больно, стою перед нею и, качаясь под бурными толчками сердца, бормочу…»

На этот раз Ольга Юльевна уступила Алексею Максимовичу, и они стали жить вместе, и буквально в «шалаше» – в бане при доме священника-алкоголика. Рай в шалаше продолжался примерно два года. Горький каторжным литературным трудом зарабатывал деньги, а Каменская их легко тратила. К тому же время от времени появлялись ее бывшие мужья – Фома Фомич и Болеслав, и сердобольная женщина поддерживала их материально. Так что еще раз повторим: ситуация была пикантной. А что Горький? «Нет, я не ревновал, но всё это немножко мешало…» – можно прочитать у Алексея Максимовича.

Долго это продолжаться не могло, и пришел естественный конец. Дочка Каменской «плакала, и Каменская держала ее крепко за руку и молча минута за минутой переживала с ней вместе всё, о чем она плакала. В этот час мы хоронили вместе, она – свое детство, я – любовь».

А что хоронил Горький? Он прощался со своими романтическими иллюзиями. А жизнь тем временем катилась дальше. И вот уже новая героиня горьковского романа. В «Самарской газете», где он работал появилась семнадцатилетняя выпускница гимназии, золотая медалистка Катя Волжина. Она – корректор, он – маститый, к тому времени, фельетонист газеты, к тому же старше ее на десять лет. Можно поиронизировать, что теперь в роли старшей и умудренной жизнью вдовы выступает уже Алексей Максимович. Катя влюбляется в зрелого литератора. И немудрено: у него с годами появилось умение распускать павлиний хвост перед женщинами. Эту черту мгновенно заметил и описал Корней Чуковский, правда, немного позднее и по отношению к другой женщине, но это не суть важно. Вот эта дневниковая запись К. Чуковского от 24 сентября 1919 года:

«Заседание по сценариям. Впервые присутствует Мария Игнатьевна Бенкендорф, и, как ни странно, Горький не говорил ни слова ей, но всё говорил для нее, распуская весь павлиний хвост. Был очень остроумен, словоохотлив, блестящ, как гимназист на балу».

Это в 41 год, а тогда – в 27! – можете представить, как заносило Алексея Максимовича на поворотах. Короче говоря, Горький увлек Волжину и сделал ей предложение. Мать Кати препятствовала браку дочери-дворянки с «нижегородским цеховым». Горький хоть и ходил тогда в журналистах, но был по происхождению все же плебсом. Но Катя настояла, и 30 августа 1896 года они обвенчались в Самаре. Катя Волжина отныне стала Екатериной Пешковой. Через год, 27 июля 1897 года, у них родился сын Максим. Потом родилась дочь Катя, но вскоре умерла.

Однако семейная жизнь Горького с Екатериной Пешковой, как говорится, не заладилась. В этом союзе было больше дружеских чувств, чем любовных, и плотское томление Горького в конце концов привело к разрыву. Но расстались они довольно мирно, более того, по-дружески, и остались на все последующие годы в друзьях, часто переписывались друг с другом, помогали советом, когда кто-нибудь из двоих в нем нуждался.

Выскажу предположение, что Горький расстался с Катериной Пешковой еще потому, что ему хотелось видеть рядом с собой женщину не домашнюю, а скорее светскую, блестящую, красивую, которая бы облагородила его провинциальную внешность и манеры. И такая женщина вскоре после разрыва с Пешковой появилась. Как говорится, на ловца и зверь бежит.

Зверь явился в образе роскошной актрисы Художественного театра Марии Андреевой. Встреча произошла в Севастополе в 1900 году, во время гастролей там Художественного театра. Гастроли проходили в каком-то летнем театре, и вот в антракте спектакля «Гедда Габлер» в дверь артистической уборной актрисы постучали. Голос Чехова:

– К вам можно, Мария Федоровна? Только я не один, со мною Горький.

«Сердце забилось – батюшки! И Чехов, и Горький! – читаем мы в воспоминаниях Марии Андреевой. – Встала навстречу. Вошел Антон Павлович – я его давно знала… за ним высокая, тонкая фигура в летней русской рубашке; волосы длинные, прямые, усы большие и рыжие, – неужели это Горький?..

– Вот познакомьтесь, Алексей Максимович Горький. Хочет наговорить вам кучу комплиментов, – сказал Антон Павлович. – А я пойду в сад, у вас тут дышать нечем.

– Черт знает! Черт знает, как вы великолепно играете, – басит Алексей Максимович и трясет меня изо всей силы за руку…»

Опускаем описание Горького, каким его представляла Андреева до встречи и каким он оказался на самом деле, это все как детали, главная фраза в воспоминаниях актрисы: «…и радостно екнуло сердце».

Сердце екнуло. Значит, любовь!.. Но в воспоминаниях Андреевой о любви нет ни слова (стеснялась? Не хотела? Специально замалчивала?). Есть другое: «Наша дружба с ним всё больше крепла, нас связывала общность во взглядах, интересах…»

Сошлись не только мужчина и женщина, сошлись два единомышленника, которые верили в царство добра и справедливости, путь к которому лежал через революцию. В лице Марии Андреевой Горький нашел отважную помощницу и отчаянную мечтательницу. Они соединили свои судьбы. Соединили де-факто, но не де-юре, официальной женой Горького оставалась Екатерина Пешкова. И когда Горький с Андреевой отправились в Америку добывать для революции деньги, там в прессе мгновенно возник скандал. Американские журналисты назвали Горького анархистом и двоеженцем. Дело дошло до того, что Горького и Андрееву не пускали на пороги некоторых гостиниц, наиболее пуританских, разумеется.

Новая жизнь с новой женой была бурной и деятельной: литература постоянно переплеталась с политикой, так было и в Италии, на Капри, где жили Горький и Андреева. Как писала она своей подруге Муратовой 11 сентября 1910 года: «Живем мы как когда, когда очень хорошо, иногда плохо, но всегда интересно и разнообразно».

Но разнообразие в какой-то момент перешло в однообразие, и Горький расстался с Марией Федоровной. Причем расставание опять-таки произошло тихо и мирно, без скандалов и битья посуды, – этого Алексей Максимович не выносил. Его всегда устраивал худой мир, который лучше любой ссоры. В 1925 году в Сорренто на вопрос поэта Вячеслава Иванова, как у него складываются отношения с Екатериной Пешковой, Горький ответил так: «Я с нею в самых дружеских отношениях, как и с Марией Федоровной Андреевой, с которой я жил десять лет. Мне удавалось избегать с близкими женщинами драм…»

Горький всегда стремился сохранить свое душевное спокойствие. А испытывали ли драмы его любимые женщины, получившие приставку «экс»? Наверное, все-таки да. Показательно, что после расставания с Горьким Андреева не приезжала к нему в Италию в те дни, когда там гостила Екатерина Павловна Пешкова. Каждая из них не хотела видеть соперницу.

На старости лет Андреева призналась: «А я была не права, что покинула Горького. Я поступила как женщина, а надо было поступить иначе: это все-таки был Горький…»

То есть всемирно известный писатель, поэтому следовало бы не ревновать, проглатывать обиды, быть ниже травы и тише воды и т. д. Но эту роль покорницы темпераментной Андреевой сыграть не удалось.

Последней любовью Горького стала «Мария фон Будберг, она же баронесса Бенкендорф, она же Закревская, она же Унгерн-Штернберг, 1892 года рождения, уроженка Полтавы, дочь крупного помещика» – именно так она представлена в оперативной справке НКВД.

Это была примечательная женщина, некрасивая, но талантливая, из породы авантюристок. У нее было много мужей, любовников и друзей-мужчин, которых она умела заводить и околдовывать каким-то своим особым шармом и сексуальной притягательностью. Женщина-манок. Она сумела прожить часть совей жизни с двумя литературными титанами – Максимом Горьким и Гербертом Уэллсом. В быту ее звали просто Мурой, но Нина Берберова окрестила ее «железной женщиной» и написала о ней целую книгу.

Не будем цитировать Берберову (кто захочет, тот прочитает «Железную женщину» сам), лучше приведем один любопытный документик – письмо Максима Горького властителю Петрограда Григорию Зиновьеву: «Позвольте еще раз напомнить Вам о Марии Бенкендорф – нельзя ли выпустить ее на поруки мне? К празднику Пасхи? А. П.».

На момент письма, в апреле 1920 года, Мария Бенкендорф-Будберг сидела в подвалах ЧК за связь с английским послом Локкартом и подозревалась в шпионаже против советской России, кстати, ее арестовали чуть ли не в постели посла. Зиновьев откликнулся на просьбу Горького, и Алексей Максимович получил Муру, выражаясь фигурально, в качестве пасхального подарка. Подарок пришелся очень к месту: Мура стала секретарем затеянного Горьким издательства «Всемирная литература» и одновременно личным литературным секретарем писателя. Впрочем, ее функции получились весьма расширительные: секретарь, консультант, переводчик, домоправительница и любовница. Гениальная женщина, не каждая на такое способна!

Был момент, когда она покинула Горького и уехала к Уэллсу, а Алексей Максимович бомбил ее письмами, в которых полыхали и страсть, и надрыв, и тоска. Любимая женщина вернулась и скрасила последние месяцы смертельно больного Горького. Есть версия, что именно она убила знаменитого любовника по заданию чекистов, на которых работала. Лично я в это не верю.

Когда Горький умер, в крематории присутствовали все три женщины Алексея Максимовича – одна официальная и две невенчанные жены. В книге Галины Серебряковой «О других и о себе» можно прочитать такой пассаж: «Из полутьмы, четко вырисовываясь, в траурном платье появилась Екатерина Павловна Пешкова – неизменный друг Горького. Тяжело опиралась она на руку невестки. За ней шла Мария Федоровна Андреева с сыном, кинорежиссером Желябужским. И поодаль, совсем одна, остановилась Мария Игнатьевна Будберг. Все эти три женщины чем-то неуловимо походили одна на другую: статные, красивые, гордые, одухотворенные…»

Что ж, отдадим дань вкусу Горького.

Все три главные женщины Горького пережили его намного. Мария Андреева умерла 8 декабря 1953 года в возрасте 85 лет. Настоящий «феномен», как назвал ее Ленин. Екатерина Пешкова скончалась в 1965 году, прожив на свете 87 лет, а в 1974 году ушла из жизни Мура, «железная женщина», в возрасте 82 лет.

Так что все – долгожительницы. «Сколько ей лет? – удивлялся Корней Чуковский Екатерине Павловне Пешковой. – А она бодра, возбужденна, эмоциональна, порывиста…»

Последней своей пассии – Будберг-Бенкендорф, любимой Муре, Горький посвятил самое крупное и значительное произведение из всего того, что написал: «Жизнь Клима Самгина».

Любопытную запись оставил Корней Иванович в своем дневнике от 30 апреля 1962 года:

«Екатерина Павловна Пешкова получила от Марии Игнатьевны Бенкендорф (Будберг) просьбу пригласить ее к себе из Англии. Екатерина Павловна исполнила ее желание. «Изо всех

увлечений Алексея Максимовича, – сказала она мне сегодня, – я меньше всего могла возражать против этого увлечения: Мария Игнатьевна – женщина интересная».

С чего начали – тем и закончили: вкус у Максима Горького был отменный.

Вот и все, пожалуй, о Буревестнике, который пытался приспособить мировую литературу к нуждам пролетариата. Писатель и царедворец. Гуманист и конформист. А еще он – человек для подражания, ибо сумел сам себя сделать. А это удается далеко не каждому.

Многоликий нарком просвещения. Анатолий Луначарский (1875–1933)

Меня пленяет сатаны
Всеискажающая скрипка:
В ней ритмы солнц отражены
В стихии человечье-зыбкой.
Пусть ангелов пугает вид
Их ликов дико искривленных,
Но вечных песен полусонных
Лишь чертов перепев манит.

Анатолий Луначарский, Кривой, апрель 1921

Кто есть Луначарский

Очень ныне модно спрашивать: who is who? Давно покинул белый свет Анатолий Васильевич Луначарский, а точного ответа на вопрос так и нет. Даже его фамилия вводит в заблуждение: Луна-Чарский. Луны чары? Или чары луны? И сразу вспоминается Лев Мей: «Ясный месяц, ночной чародей». Или еще пушкинская «Полтава»:

Кто при звездах и при луне
Так поздно едет на коне?

Луначарский – фамилия из разряда псевдонимов? Псевдонимы были популярными в конце XIX века: Максим Горький, Саша Черный, Андрей Белый, Ленин, Сталин, Каменев, Зиновьев, Демьян Бедный, Михаил Голодный, Илья Ильф и т. д. Но нет. Луначарский не псевдоним, а настоящая фамилия.

Ладно, с фамилией разобрались. А теперь разберемся с профессиональным занятием. Когда Луначарского назначили наркомом просвещения молодой советской республики, старые интеллигенты взволновались. Академик Карпинский спрашивал у своих более молодых коллег: «Что вам известно о вновь назначенном министре просвещения?» Одни отвечали: «философ», другие: «музыкальный критик». Третьи: «Как же, это известный литературовед». Да, первый нарком просвещения был и философом, и критиком, и литературоведом, и драматургом, и публицистом, и переводчиком, и даже поэтом. А еще он был революционером. Не твердокаменным, а каким-то мягколиберальным, скорее даже не большевик-коммунист, а социал-демократ, ну, почти «яблочник». Ненавидел насилие. Возмущался действиями «большевистских военных бурбонов».

Это был прежде всего культурный человек. В книге «Современники» Корней Чуковский писал:

«Анатолий Васильевич, как натура художественная, мог вполне бескорыстно увлечься и сказкой, и песней, и драмой, и звонким стишком для детей. Каждый самый неприхотливый живописный этюд, каждое стихотворение, каждую музыкальную пьесу, если они были талантливы, он встречал горячо и взволнованно, с чувством сердечной благодарности к автору. Я видел, как он слушал Блока, когда Александр Александрович читал свою поэму «Возмездие», как слушал Маяковского, как слушал какого-неведомого мне драматурга, написавшего историческую драму в стихах: так слушают поэтов лишь поэты. Я любил наблюдать его в такие минуты. Даже в повороте его головы, даже в том, как он вдруг молодел, выпрямлял сутулую спину, нервно вжимал тонкие пальцы в борта пиджака и влюбленно смотрел на читающего, чувствовался артистический склад его личности.

Больше всякого другого искусства – больше живописи, больше музыки, больше поэзии – Луначарский любил театр. В театре он никогда не бывал равнодушен: то умилялся, то негодовал, то неистово радовался и, как бы ни был занят, любой, даже слабый спектакль досматривал всегда до конца».

А еще философ. Хотя философский энциклопедический словарь (1983) обошел его вниманием. А как же богостроительство Луначарского? «Религия без бога» как «религия надежды»? Его философские искания и утверждение «нового бога – коллектив»? «Религия – это энтузиазм»? Нападки на Фридриха Ницше как на исторического апологета «ходульного сверхчеловечества». И в то же время восхищение Ницше, который, согласно Луначарскому, в человеке «любил полет, порыв, любил его, как мост, ведущий в эдем будущего, как стрелу, направленную на другой берег, он любил в нем еще не законченного бога» («Этюды», 1922).

В 1903 году Луначарский примкнул к большевикам. Однако не раз расходился с Лениным. Луначарский относился к марксизму как к религии и считал, что «мы люди нового утра». То есть был идеалистом в отличие от жесткого и прагматичного Ленина.

Но главное – Луначарский был «одним из видных строителей социалистической культуры». Вместе с Троцким, Воронским, Бухариным, Полонским и Гронским Луначарский организовывал, создавал советскую литературу 20-х годов. Формировал ее и воздействовал на нее.

Однако вступление затянулось, и пора переходить к конкретике.

Семья. Ранние годы

Анатолий Васильевич Луначарский родился 11 (23) ноября 1875 года в Полтаве. Вне официального брака. Его настоящим отцом был Александр Иванович Антонов, управляющий контрольной палатой в Пскове. Однако фамилию носил отчима, мужа матери – Василия Федоровича Луначарского. Уже в этом любители фрейдизма могут половить рыбку…

В книге «Память сердца» Луначарской-Розенель можно прочитать о матери: «Мать Луначарского, Александра Яковлевна Ростовцева, женщина образованная, но властная и взбалмош-

ная, в «мальчике в очках» видела что-то недопустимое, «нигилистическое». Когда Анатолий жаловался ей на плохое зрение, она только сердилась на него за «глупые выдумки». Лет до 13 из-за упрямства матери он лишен был возможности следить в классе за тем, что писали на доске, рассматривать географические карты и атласы, наблюдать за физическими опытами, даже участвовать в развлечениях и играх своих одноклассников. Но благодаря блестящим способностям и замечательной памяти учился он хорошо. Однако учеба в гимназии не увлекала его, и все свободное время он отдавал чтению».

Учился хорошо? Но в одном из классов юный Луначарский был оставлен на второй год, но в итоге закончил 1-ю гимназию в Киеве. В гимназии и в дальнейшем активно занимался самообразованием, читал книги на французском и немецких языках, а еще увлекался сочинительством. «Прочитал целую библиотеку книг, написал множество стихотворений, рассказов, трактатов…» – вспоминал Луначарский. На всю жизнь он остался книгочеем, но не стал книгоманом. Любил посещать общественные библиотеки, но свою личную не заводил.

С юности увлекла революция, заря новой жизни. «В 15 лет был знаком не только с нелегальными брошюрами по марксизму, но проштудировал первый том «Капитала», – признавался Луначарский. И в раннем возрасте он стал бойким пропагандистом. То, что узнавал из книг, он умел увлекательно рассказывать в рабочих кружках в пролетарском районе Киева – в Борщаговке. Подобная деятельность не осталась незамеченной, и за свою «революционность» Луначарский оказался вне российских университетов: двери для него были закрыты. Выход для получения дальнейшего образования был один: заграница. Отправился в Швейцарию, в Цюрих, и там в местном университете постигал основы эмпириокритицизма у основоположника этого течения Рихарда Авенариуса. Вторым учителем для Луначарского стал знаток марксизма Павел Аксельрод, а уже потом был перекинут мостик к Ленину.

В 1896 году Луначарский прервал свои занятия в Швейцарии, поездил по Италии и Франции и вернулся в Россию, в Москве вступил в революционный кружок Елизаровой-Ульяновой, старшей сестры Ленина. Вскоре, 13 апреля 1899 года, последовал арест. Первый, но не последний.

Примечательные детали одиночного заключения в киевской Лукьяновской тюрьме. Там Луначарский изучил английский язык, читал в подлиннике Шекспира и Бэкона, немецких философов и поэтов, много писал. Вспоминая Лукьяновскую тюрьму, Луначарский в одном из писем писал: «В последние недели моего пребывания в одиночке я читал и писал до утра. Почерк у меня возмутительный. Каждое слово, написанное в тюрьме, подвергалось самой тщательной цензуре, и жандармский ротмистр, которому полагалось проверять мои рукописи, совершенно замучился. «Ради всего святого, г-н Луначарский, пишите разборчивее! У меня теперь из-за вас нет личной жизни: я ночи напролет сижу над вашими каракулями». Меня эти жалобы не слишком растрогали. Хуже, что я сам позднее разобрал далеко не все свои рукописи из Лукьяновки».

Луначарский – один из многочисленных примеров пылких молодых людей, которые были обуяны мечтой осчастливить русский народ с помощью марксистских выкладок. Старая Россия – для них ничто; новая, будущая – всё! Не случайно одно позднее рассуждение Луначарского:

«Почти у всякой русской писательской могилы, у могилы Радищева, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Достоевского, Толстого и многих других, – почти у всех можно провозгласить страшную революционную анафему против старой России, ибо всех она либо убила, либо искалечила, обузила, обрызгала, завела не на ту дорогу. Если же они остались великими, то вопреки этой проклятой старой России, и все, что у них есть пошлого, ложного, недоделанного, слабого, все это дала им она».

Вы чувствуете, как в этих фразах Луначарского клокочет революционность, бунтарство. Оно и приводило Луначарского не раз к заключению: сидел он в Киевской Лукьяновской тюрьме, в одиночной камере Таганской тюрьмы, сидел в знаменитых петербургских «Крестах»,

ссылался в Вологду. В Вологде Луначарский близко сошелся с Николаем Бердяевым (с ним был знаком со времени учебы в киевской гимназии), с Алексеем Ремизовым, Борисом Савинковым, с пушкинистом Павлом Щеголевым. И ссылка для Анатолия Васильевича стала дополнительным университетом. И это же было время интенсивной публицистики – Луначарский писал много в различных газетах, от Ярославля до Киева. Религиозных поисков смысла жизни (статьи «Русский Фауст», «Метаморфоза одного мыслителя», «Перед лицом рока» и другие). И еще одно направление: проповедь героизма, деятельности и силы.

Так уж сложилась судьба Луначарского, что он всю жизнь был погружен в культуру, религию и историю. Еще живя в Киеве, он принимал активное участие в Литературно-артистическом обществе, которое возглавляла Софья Луначарская, жена брата Николая. На квартире Софьи Николаевны в начале XX века собирался цвет интеллигенции Киева: братья Бердяевы, братья Луначарские, философ Лев Шестов (Шварцман), литературовед Николай Гудзий, поэты Михаил Кузмин, Бенекдит Лившиц, исполнитель популярных ариэток Александр Вертинский, художники Казимир Малевич, Марк Шагал, Натан Альтман, Александр Осмеркин. В салоне Луначарской – назовем его так, – происходили интересные, острые споры, дискуссии на литературные, философские и иные темы.

В Петербурге Луначарский посещал «башню» Вячеслава Иванова, где била ключом интеллектуальная жизнь города на Неве. В частности, 18 октября 1906 года там проходил интереснейший диспут об Эросе. Среди выступавших были Анатолий Луначарский и Николай Бердяев.

А параллельно с культурой Анатолий Васильевич был погружен в политику. Принимал участие в большевистской газете «Вперед», издававшейся в Женеве. Участвовал в III съезде РСДРП. Революция 1905 года застала Луначарского во Флоренции, где он подлечивал пошатнувшееся здоровье. В октябре вернулся в Россию и был вскоре арестован за пропаганду марксизма среди рабочих. И сразу вспоминаются слова Георгия Иванова из «Петербургских зим» о Луначарском: «Сладко и гладко беседует о марксизме» (но эти слова, правда, относятся уже к 1917 году).

В начале 1906 года Луначарский был освобожден из тюрьмы, но революционный его пыл не охладился, и охранка за ним охотится. Чтобы избежать нового тюремного заключения, он в начале 1907 года уезжает в Германию: Берлин, Штутгарт… Ему 31 год. Он – профессиональный революционер. Зарабатывает на жизнь журналистикой, пишет по западноевропейскому искусству, литературе и театру.

А теперь, пожалуй, уместно привести характеристику Луначарского, которую дал ему Александр Амфитеатров в очерке «Жизнь человека, неудобного для себя и для многих»:

«Генеральский сын, лауреат Московского университета, не ахти какой умный, но и далеко не глупый, усердный и доверчивый читатель-книжник («Что ему книжка последняя скажет, то ему в душу сверху и ляжет»), фразистый говорун, «с хорошо привешенным языком», способный пустить пыль в глаза подобием философствования в эстето-декадентских тонах, Анатолий Васильевич был самою природою предназначен на то, чтобы в университете быть кумиром студенческих сходок. А по университету получать какую-либо гуманитарную приват-доцентуру и в качестве либерального лектора с неопределенно социальным душком сделаться любимцем студентов и студенток первых семестров.

Царское правительство совершило великую глупость тем, что пустопорожнею ссылкою в Вологду и Тотьму отвлекло Луначарского от его природного назначения, свело его там с революционными действиями и дало, таким образом, ему возможность вообразить самого себя деятельным и ужасно опасным революционером. Полный сим самообольщением, очутился он за границею, в эмиграции, еще не определившимся партийно. Да тогда и партий-то было две с половиной, и различия между ними были еще так зыбки, что на вопрос о разнице между большевиками и меньшевиками часто следовал шутливый ответ:

– Меньшевики – это которых больше, и они с Плехановым, а большевики – которых меньше, и они с Лениным.

В этом подготовительном периоде Луначарский вспоминается мне, по случайной встрече в Виареджио, премилым студентом-идеалистом, скромнейшего образа жизни, сытым более книжкою, чем обедом, и женатым на такой же милой студентке, Анне Александровне Малиновской, сестре известного марксиста Богданова. Никаким большевизмом от него не пахло. Он еще усердно «богостроительствовал», а в богоискательстве опять-таки колебался, – что ему: «богостроительствовать» ли с Мережковским или «богоборствовать» с Горьким и Андреевым? Богоборство, как известно, победило».

Прервем цитату Амфитеатрова (к ней мы еще вернемся) и поговорим о философских исканиях (и шатаниях) Анатолия Васильевича.

В тенетах богостроительства

В энциклопедическом словаре 1954 года сказано: «В годы столыпинской реакции примкнул к махистам, принадлежал к антибольшевистской группе «Вперед».

Группа «Вперед», возглавляемая Богдановым и к которой примыкал Луначарский, боролась с ленинской партийной школой в Лонжюмо за влияние на революционный процесс в России. Как отмечает О'Коннор Тимоти, профессор истории университета Северной Айовы (США), в своем очерке о Луначарском:

«Выдвинутая Луначарским идея богостроительства вносила дополнительный разброд в группу. Богостроительство обычно определяется как «религиозный атеизм», т. е. как попытка выразить марксизм посредством суррогата религии и дать альтернативу обещанному христианством вечному спасению праведников. Как модель большевистского утопизма богостроительство предлагало «войти в землю обетованную на земле», приняв социалистическое сознание. Это была не просто вульгарная попытка заменить утвержденную религию марксизмом. Это движение включало в себя целое мировоззрение и вместе с другими большевистскими утопическими идеями стремилось представить будущее коммунистическое общество, – то, чего не сумели сделать Маркс и Энгельс».

У истоков богостроительства стояли Луначарский и Максим Горький. Фундаментом стал двухтомный труд Луначарского «Религия и социализм». И снова обратимся к цитате американского профессора:

«Бог был искусственно создан человечеством, утверждал Луначарский, потому что люди были эмоционально неуверенны и чрезмерно озабочены своими собственными физическими возможностями. Он считал, что просвещение – это желанная цель самопознания, и в то же время, как и марксизм, это практическое средство для самореализации. Нельзя раскрыть бога, потому что его не существует, но бог должен появиться внутри каждой личности в процессе сознательного понимания безграничности человеческих сил. Согласно Луначарскому, «люди не созданы в образе бога, но бог создан в образе людей». Он полагал, что «необязательно искать бога», вместо этого «необходимо миру лишь дать бога» путем человеческого «триумфа в природе». По его представлениям, по-настоящему образованный человек – это не просто смертный, живущий короткий период времени, борясь за то, чтобы выжить, но это «борец-титан, напрягший все силы, чтобы изменить лицо земли», и в конечном итоге «богочеловек, создание, для которого, вероятно, и был создан мир и который будет управлять природой».

Эко, батенька, загнул! – как сказал бы Ленин. Луначарский упорно отстаивал идею коллективного бессмертия человечества, бессмертия коммунистического коллектива, но, увы, эти идеи не смогли заменить физическое воскрешение и вечную жизнь, которые предлагала христианская традиция.

Ленин подверг резкой критике приверженность Луначарского к богостроительству, и Анатолий Васильевич объявил об отказе от своих богостроительных идей. И тут нужно вернуться снова к Амфитеатрову.

«Противник мало-мальски сильный, стоящий на крепком фундаменте солидного знания, твердо и ясно убежденный, бил Луначарского быстро и легко. Плеханов чаще всего просто вышучивал «блаженного Анатолия»: таким прозвищем окрестил он своего ревностного оппонента за наивное политическое прекраснодушие и малоспособность к логической последовательности. Порою играл им, как кот с мышью, доводя до абсурда его опрометчиво рогатые силлогизмы, ловя его на грубых ошибках и фактах и демагогических отступлениях от исторической истины, дразня пристрастием к общим местам и к открытию давно открытых Америк.

Луначарский торопливо хватал верхушки знаний, не трудясь смотреть в корень, летел вперед, не оглядываясь на зады. Плеханов острил, что «блаженный муж Анатолий» в марксизме напоминает дьячка, который жарит наизусть и подряд, и вразбивку по Часослову, но способен срезаться на азах».

Убийственная, надо сказать, характеристика. Это Плеханов. А как складывались отношения с Лениным?

Луначарский и Ленин

Они познакомились… впрочем, об этом рассказывал сам Анатолий Васильевич. Это было ранней весной 1904 года в Париже неподалеку от бульвара Сен-Жермен, где жил Луначарский. Ранним утром раздался стук в дверь.

«Я увидел перед собою незнакомого человека в кепке с чемоданом, поставленным около ног.

Взглянув на мое вопросительное лицо, человек ответил:

– Я Ленин. А поезд ужасно рано пришел.

– Да, – сказал я сконфуженно. – Моя жена спит. Давайте ваш чемодан. Мы оставим его здесь, а сами пойдем куда-нибудь выпить кофе.

– Кофе действительно адски хочется выпить. Не догадался сделать этого на вокзале, – сказал Ленин».

Они встретились. Понравились друг другу и подружились. Позднее Луначарский писал: «Какая это была прекрасная комбинация, когда тяжеловесные удары исторического меча, несокрушимой ленинской мысли сочетались с изящными взмахами дамасской сабли воинского отступления».

Многолетняя дружба Ленина и Луначарского сопровождалась горячими спорами и дискуссиями, и почти всегда Ильич выходил из них победителем, резко критикуя те или иные философские и политические ошибки Луначарского. В пух и прах разбил Ленин идеи Луначарского о богостроительстве. И в дальнейшем взгляды их подчас расходились. Так, Ленин выступал за национальное самоопределение, а Луначарский был его противником. Луначарский после Октября выступал за правительство, в которое входили бы все партии, представленные в Петроградском совете, однако Ленин был против этого: только большевики!..

Удивительно, что Луначарского, который никогда не был твердым большевиком, назначили в состав первого советского правительства. Эта инициатива исходила от Ленина. Он игнорировал имевшие место идеологические и политические разногласия и посчитал, что Луначарский – самая подходящая фигура на посту народного комиссара просвещения, так как «предпочитал энергичных и бодрых революционеров». В узком кругу Ленин не раз говорил о Луначарском как о «по-настоящему блестящем и веселом человеке», который получал удовольствие, развлекая людей «остроумной беседой и анекдотами». Многие считали Луначарского даже «закадычным другом Ленина». Однако Владимир Ильич признавал, что хотя

«французский блеск» Луначарского был «полезен большевикам», но он «не был полностью одним из них». То есть Ленин прагматически подходил к Луначарскому и использовал лучшие его качества по привлечению старой интеллигенции на сторону новой власти.

Самые большие разногласия между Лениным и Луначарским после революции были по поводу интеллигенции. Ильич ценил только технических и научных специалистов и подозрительно, если не сказать презрительно, относился к творческой интеллигенции, что ярко проявилось в печально знаменитой истории с «философским пароходом». Луначарский, напротив, ценил прежде всего писателей, художников и артистов.

И последнее. Луначарский искренне горевал по поводу смерти Ленина. И поддержал идею Красина забальзамировать тело Ильича и выставить его на обозрение и прощание народу. Луначарский вошел в комиссию по созданию первого мавзолея и таким образом как бы реализовал свою давнюю идею о человеке-боге.

И совсем последнее. Обширная переписка между Лениным и Луначарским была издана в 1971 году.

Жизнь за границей

С февраля 1907 года Луначарский жил в Италии. Особенно ему полюбилась Флоренция с ее многочисленными музеями и памятниками. В воспоминаниях Бориса Зайцева можно прочитать о Луначарском:

«Он любил Флоренцию, в нем была жизненность и порыв к искусству, он и сам кое-что писал по нашей части (но по-любительски и легковесно).

Во Флоренции мы превесело вчетвером с ним заседали в разных ресторанчиках «Маренко» на Via Nationale, распивали кианти, он горячился и ораторствовал – теперь о флорентийской живописи. Пенсне прыгало на его носу, он вдруг обнимал и целовал Анну Александровну (очень был пламенен по этой части), потом кричал о Боттичелли. Единственно, что меня доезжал тогда, – многословием. Глаза осоловели у слушателя от усталости, а остановить его нет возможности.

Мы ходили вместе по Флоренции и раз очень весело и смешно сидели на вечерней иллюминации над Арно – на парапете набережной, как-то верхом сидели, хохотали, дамы взвизгивали от фейерверка и забавлялись как хотели».

Возможно, это был один из счастливых моментов в жизни Луначарского. На Капри его ждал удар, куда он приехал в 1909 году: смерть первого сына. Раздавленный горем Анатолий Васильевич, забыв про свой атеизм, сам отпел мальчика, прочитав над его гробом «Литургию красоты» Константина Бальмонта. Какие именно стихи из этого цикла читал Луначарский? «Проклятие человекам»?

Мы человеки дней последних, как бледны в жизни мы своей!
Как будто в мире нет рубинов, и нет цветов, и нет лучей…

Или: «Мир есть пропасть, ты есть пропасть, в этом свойстве вы сошлись…» Трудно сказать, какие именно строки выделил несчастный отец:

А смерть возникнет в свой в черед, —
Кто выйдет здесь, тот там войдет,
У жизни множество дверей,
И жизнь стремится все быстрей…

На Капри сошлись Максим Горький, Ленин, Луначарский и Богданов. Между ними шли ожесточенные споры, в том числе и по проблемам богостроительства. Весной 1911 года Луначарский переехал из Италии во Францию и оставался там до 1915 года. Снял квартиру в Париже. Погрузился в изучение европейского искусства и литературы. Вращался среди художников, стал постоянным посетителем знаменитого кафе «La Ruche» («Пчелиный улей»). Писал обзоры об искусстве, литературе и театре Западной Европы для различных русских газет. Разъезжал с лекциями по европейским городам и налаживал контакты с русской эмиграцией. В 1912 году выпустил сборник пьес «Идеи в масках», в котором отстаивал свою давнюю театральную идею о «театре быстрого действия, больших страстей, резких контрастов, цельных характеров, могучих страданий, высоких экстазов». Среди пьес Луначарского особенно выделялась «драма для чтения» – «Фауст и город». Ее стержнем была концепция «преодоления индивидуализма» и растворение личности в массе. Еще Луначарский пробовал свои литературные силы в жанрах памфлета и фарса.

С конца 1915 года по апрель 1917-го Луначарский с семьей жил в Швейцарии, близ города Веве. Близко сошелся с Роменом Ролланом и швейцарским поэтом Шпиттелером, стихи которого он переводил. В Первую мировую войну Луначарский придерживался оборонческих взглядов, потом изменил их и стал критиковать сторонников оборончества, особенно Плеханова. Но все померкло, когда неожиданно для всех пал царский режим и наступил февраль 1917 года.

«И невозможное возможно в стране возможностей больших!» – как изрек Игорь Северянин.

Возвращение в Россию

Известие о Февральской революции «поразило его как громом», и Луначарский немедленно вступил в переписку и переговоры с Лениным. Считал большой «ошибкой» решение Ленина «ехать при согласии одной Германии безо всякой санкции из России». Ильич отправился с близкими соратниками в пресловутом пломбированном вагоне, а вслед за ним, оставив жену с сыном в Швейцарии, вторым поездом с группой политэмигрантов из Цюриха выехал Луначарский через Германию и скандинавские страны в Россию.

9 мая 1917 года Луначарский прибыл в Петроград. Он не был в России с января 1907 года и жутко соскучился по реальным делам. Поддержал требование большевиков «упразднить» Государственную Думу как организацию «наибольших реакционных элементов цензовой России» и Государственный Совет как «обломок черной реакции» и передать всю власть в руки трудовых классов народа. «Наш долг, – пламенно говорил Луначарский, – взять власть в свои руки, как бы безнадежно положение ни было. Пусть мы захлебнемся, пусть мы погибнем, мы будем апеллировать к истории и выполним свой долг».

1917 год – пассионарный год, все российские политики горели неугасимым огнем и стремились создать и совершить нечто новое и невиданное. В эти наполненные событиями дни и месяцы Луначарский тем не менее находил время и писал в Швейцарию жене подробнейшие письма о том, что делал, говорил и чувствовал (таких писем насчитывается боле 90, и не все они опубликованы).

Письмо от 5 июля: «…Мне пришлось солидаризироваться с большевиками, я произнес самую тактичную речь в их защиту… Но… они далеко не считаются с моими советами… Теперь мужество заключается в том, чтобы просвещать массы и сдерживать их от чрезмерного напора, сравнительно легкого в Петрограде, но гибельного в целом… Большевики и Троцкий на словах соглашаются, но на деле уступают стихии. А за ними уступаю и я…»

В ночь на 23 июля Луначарского арестовали по обвинению Временного правительства в государственной измене и заключили в тюрьму «Кресты». В начале августа освободили, а

20-го числа Луначарского избрали гласным петроградской городской Думы, и он стал к тому же руководителем большевистской фракции. Не скрывая своего удовлетворения, Луначарский писал жене 23 августа: «…я действительно популярный вождь пролетарских масс. Быть может, ни одно имя, кроме Троцкого и Ленина, не пользуется такой популярностью и любовью…»

Из письма от 13 сентября:

«Работаю я вовсю. Последнюю неделю я выступал 4 раза на громадных собраниях с лекциями. Теперь моя нормальная аудитория – 4000 чел. Всякая зала, в которой я читаю, полна… Но главная работа – культурно-просветительская городская. Сегодня целый день объезжаю училища… Большую работу делаю я и по созыву конференции пролетарских просветительских обществ…»

25 сентября: «…Моя роль первой скрипки в культурно-просветительском деле получила широкое признание и среди большевиков, и в Советах вообще, и в Думе, и в пролетариате, и даже среди специалистов…»

Чувствуется, Анатолий Васильевич упоен своими успехами, еще бы: он избран заместителем петроградского Городского головы. Далее последовали и другие высокие посты и назначения. Казалось бы, работай и работай, просвещай серую массу рабочих и крестьян, ан нет: большевики задумали вооруженный переворот. И в Швейцарию, в Цюрих, летят обеспокоенные, тревожные письма:

«Положение России ужасно, и сердце болит все время за нее. С нею пропадем мы все» (2 октября).

«Озлобление против нас колоссально растет на правом полюсе… Растет страшное недовольство и в рабочей, солдатской, крестьянской среде, оно здесь пугает меня, и теперь много анархического, пугачевщинского. Эта серая масса, сейчас багрово-красная, может наделать больших жестокостей, а с другой стороны, вряд ли мы при зашедшей так далеко разрухе сможем, даже если власть перейдет в руки крайне левой, наладить сколько-нибудь жизнь страны. И тогда, вероятно, мы будем смыты той же волной отчаяния, которая вознесет нашу партию к власти…»

18 октября (за неделю до вооруженного восстания): «Мы образовали нечто вроде блока правых большевиков: Каменев, Зиновьев, я, Рязанов и другие. Во главе левых стоят Ленин и Троцкий. У них – ЦК, а у нас все руководители отдельных работ: муниципальной, профсоюзной, фабрично-заводских комитетов, военной, советской…»

Приближался час пик. Луначарский с неохотою перешел на сторону Ленина, но еще лелеял надежду на созыв Учредительного собрания «при толковой оппозиции большевиков». Надежды Луначарского были разбиты вдребезги.

25 октября (7 ноября по новому стилю) большевики захватили власть. И Луначарский огласил написанное Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам», которое извещало о победе революции и переходе власти к Советам.

28 октября Луначарский спешит сообщить жене о том, как все произошло: «Для меня он (переворот. – *Ю. Б.*) был неожиданным… переворот был сюрпризом и со стороны легкости, с которым он был произведен. Даже враги говорят: «Лихо». Войска дисциплины не нарушают. Хотя в Зимнем дворце был все же погром и эксцессы (убийств не было), за которые страшно и тяжко нести ответственность… Как-никак, а жертв чрезвычайно мало пока. Пока. С ужасом думаю, не будет ли их больше».

И еще одна тревога: «Да, взять власть оказалось легко, но нести ее!» И обращение чисто личное: «Нюра, Нюра, я уже не прошу судьбу – увидеть вас, но хоть письма-то мои дошли бы до вас! Милые, дорогие, далекие!..»

29 октября – письмо на следующий день:

«Дорогая Нюрочка. Конечно, чем дальше, тем хуже. Положение тяжелое… Я пойду с товарищами по правительству до конца. Но лучше сдача, чем террор. В террористическом

правительстве я не стану участвовать. Я отойду и буду ждать, что пошлет судьба… Лучше самая большая беда, чем великая вина…»

В следующем письме к Анне Малиновской: «Эксцессов пока никаких, им нет никаких шор. Но их я боюсь больше всего. Больше смерти! Погибнуть за нашу программу – достойно. Но прослыть виновником безобразий и насилий – ужасно… Целую вас, мои святые…»

Вулканическая деятельность

«Я – министр народного просвещения, или, как у нас установлено: народный комиссар», – из письма к жене.

А буквально через несколько дней 2 ноября Луначарский подал заявление о выходе из правительства, ввиду того, что не может работать под гнетом таких фактов, как разрушение Кремля, уничтожения соборов Успенского, Василия Блаженного и других исторических памятников. Потом выяснилось, что собор Сант-Базилио оказался невредим, и Луначарский после разговора с Лениным остался на своем посту. И предпринял громадные усилия по сохранению художественных культурно-исторических сокровищ и памятников. Многое удалось защитить и спасти. Но многое было и разрушено…

Еще одна задача стояла перед Луначарским: привлечь на сторону советской власти старую интеллигенцию. «Но какая ненависть против нас, боже, какая бездонная ненависть во всей обывательщине – у всех социалистов-соглашателей!» – жаловался нарком в одном из писем к жене. Большевиков ненавидели не только эсеры, кадеты и прочие политики, их не приняли многие деятели культуры и литературы, достаточно полистать «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус.

28 ноября 1917 года: «Тьма, морозный туман, красная озорь гикает…»

7 января 1918: «Шингарев был убит не наповал, два часа еще мучился, изуродованный. Кокошкину стреляли в рот, у него выбиты зубы. Обоих застигли спящими в постелях…»

Полилась та кровь, которой так боялся Луначарский.

А теперь маленькая справка. Федор Кокошкин, профессор Московского университета, специалист права, входил в состав Временного правительства. На момент зверского убийства в Мариинской тюремной больнице Кокошкину было 46 лет. Андрей Шингарев, старше Кокошкина на 2 года, по профессии врач. После февраля 1917 года возглавлял Продовольственную комиссию. По мнению современников, был превосходным деловым министром – со знанием, с огромной энергией, с твердостью и авторитетом.

Но вернемся к дневнику Зинаиды Николаевны Гиппиус. 25 января 1918: «Пока нет начала света – предрекаю: напрасны кривлянья Луначарского, тщетны пошлые безумства Ленина, ни к чему все предательства Троцкого-Бронштейна, да и бесцельны все «социалистические» их декреты, хотя бы 10 лет они издавались 10 лет сидящими большевиками. Впрочем, 10 лет декреты издаваться наверно не будут, ибо гораздо раньше уничтожат физически все окружающее и всех людей. Это они могут».

И дальнейшая приписка: «Грабят сплошь. И убивают».

Запись от 14 апреля 1918 года: «В среду на Страстной – 1 мая по новому стилю. Владыки объявили «праздник своему народу». Луначарский, этот изолгавшийся парикмахер, клянется, что устроит «из праздников праздник», красоту из красот. Будут возить по городу колесницы с кукишами (старый мир) и драконов (новый мир, советская коммуна). Потом кукиши сожгут, а драконов будут венчать. Футуристы воспламенились, жадно мажут плакаты. Луначарский обещает еще «свержение болванов» – старых памятников. Уже целятся на скульптуру барона Клодта на Мариинской площади (памятник Николаю I)».

14 октября 1918: «В Гороховой «чрезвычайке» орудуют женщины (Стасова, Яковлева), а потому царствует особенная – упрямая и тупая, – жестокость. Даже Луначарский с ней борется, и тщетно: только плачет (буквально, слезами)».

22 октября Гиппиус, комментируя слух об убийстве Василия Розанова, «русского Ницше», восклицала: «Я не хочу верить, но ведь все возможно в нашем «культурном раю», г-да Горькие и Луначарские!..»

В одной из записей «Черной тетради» Зинаида Николаевна припечатала Марию Андрееву: «Эта истерическая особа, жена Горького, которая работает с Луначарским: «Ах, я с удовольствием… И вечер устрою…»

Если записи у Зинаиды Гиппиус полны сарказма, то в дневнике Корнея Чуковского касательно Луначарского присутствуют мягкий юмор и ирония. Вот некоторые записи:

14 февраля 1918 года: «У Луначарского. Я видаюсь с ним чуть не ежедневно. Меня спрашивают, отчего я не выпрошу у него того-то или того-то. Я отвечаю: жалко эксплуатировать такого благодушного ребенка. Он лоснится от самодовольства. Услужить кому-нибудь, сделать одолжение – для него ничего приятнее! Он мерещится себе как некое всесильное благостное существо – источающее на всех благодать: – Пожалуйста, не угодно ли, будьте любезны, – и пишет рекомендательные письма ко всем, к кому угодно – и на каждом лихо подмахивает: Луначарский. Страшно любит свою подпись, так и тянется к бумаге, как бы подписать. Живет он в доме Армии и Флота – в паршивенькой квартирке – наискосок от дома Мурузи, по гнусной лестнице. На двери бумага: «Здесь приема нет. Прием тогда-то от такого-то часа в Зимнем Дворце, тогда-то в Министерстве просвещения и т. д.» Но публика на бумажку никакого внимания, – так и прет к нему в двери, – и артисты Императорских театров, и бывшие эмигранты, и прожектеры, и срыватели легкой деньги, и милые поэты из народа, и чиновники, и солдаты – все – к ужасу его сварливой служанки, которая громко бушует при каждом новом звонке. «Ведь написано». И тут же бегает его сынок Тотоша, избалованный хорошенький крикун, который – ни слова по-русски, все по-французски, и министериабельно – простая мадам Луначарская – все это хаотично, добродушно, наивно, как в водевиле.

При мне пришел фотограф – и принес Луначарскому образцы своих изделий – «Гениально!» – залепетал Л. и позвал жену полюбоваться. Фотограф пригласил его к себе в студию. «Непременно приду, с восторгом». Фотограф шепнул мадам: «А мы ему сделаем сюрприз. Вы заезжайте ко мне пораньше, и, когда он приедет, – я поднесу ему Ваш портрет… приезжайте с ребеночком, – уй, какое цацеле…»

В министерстве просвещения Луначарский запаздывает на приемы, заговорится с кем-нибудь одним, а остальные жди по часам. Портрет царя у него в кабинете – из либерализма – не завешен. Вызывает посетителей по двое. Сажает их по обеим сторонам. И покуда говорит с одним, другому предоставляется восхищаться государственной мудростью Анатолия Васильевича… Кокетство наивное и безобидное…»

15 октября 1918. «…Явился Луначарский, и сейчас же к нему депутация профессоров – очень мямлящая. Луначарский с ними мягок и нежен. Они домямлились до того, что их освободили от уплотнения, от всего…»

И далее запись того же дня: «…Луначарский источал из себя какие-то лучи благодушия. Я чувствовал себя в атмосфере Пиквика. Он вообще мне в последнее время нравится больше – его невероятная работоспособность, всегдашнее благодушие, сверхъестественная доброта, беспомощная, ангельски-кроткая – делают всякую насмешку над ним цинической и вульгарной. Над ним так же стыдно смеяться, как над больным или ребенком. Недавно только я почувствовал, какое у него больное сердце. Аминь. Больше смеяться над ним не буду».

9 июля 1919. «Был сегодня у Мережковского. Он повел меня в темную комнату, посадил на диванчик и сказал:

– Надо послать Луначарскому телеграмму о том, что «Мережковский умирает с голоду. Требует, чтобы у него купили его сочинения. Деньги нужны до зарезу».

На склоне лет Корней Иванович вспоминал о давно умершем наркоме: «О Луначарском я всегда думал как о легкомысленном и талантливом пошляке и если решил написать о нем, то лишь потому, что он по контрасту с теперешним министром культуры – был образованный человек» (12 апреля 1965).

В образованности и даже в энциклопедичности знаний Луначарскому не откажешь. Он многое знал и многое успел сделать. Он пересмотрел практически все наследство русской литературы. Творчество Пушкина и Лермонтова, Некрасова и Островского, Толстого и Достоевского, Чехова и Горького, Леонида Андреева и Брюсова нашло себе оценку в его статьях и в книге «Литературные силуэты» (1923).

Луначарский осаживал футуристов в их стремлении сбросить классиков с «корабля современности». В 1918 носился с идеей учредить Академию Искусств, параллельно создать Вольную Философскую академию (сокращенно: Вольфил), Вольную «скифскую академию» с привлечением лучших интеллектуальных сил России. Проектов было много, но не все удалось воплотить. Был создан и активно функционировал, пожалуй, лишь ТЕО – театральное управление. Но настоящих помощников у наркома было мало, очень многие не хотели сотрудничать с советской властью и всяческими путями пытались эмигрировать из России. Оставались единицы, Валерий Брюсов, к примеру. Еще Александр Бенуа, о котором Зинаида Гиппиус отозвалась так: «С момента революции стал писать подозрительные статьи, пятнающие его, водится с Луначарским, при царе выпросил себе орден…»

Водится с Луначарским – это что-то неприличное для старой интеллигенции. И о горьковской жене та же Гиппиус, о «дублюре»: «Знаменитая Мария Федоровна Андреева, которая «ах, искусство!» и потому всячески дружит и работает с Луначарским» («Черная тетрадь» 4 декабря 1917).

Но Луначарский, преодолевая критику, саботаж, недоверие, все же пытался возродить культурную жизнь в стране. В Москве, на Поварской, в «доме Ростовых» стал функционировать Дворец Искусств, задача которого была сформулирована так: «Развитие и процветание научного и художественного творчества, объединение деятелей искусства на почве взаимных интересов для улучшения условий труда и быта». Луначарский не только курировал Дворец Искусств, но часто выступал в нем с лекциями и чтением своих произведений. В Белом зале Дворца проводились доклады-митинги, вечера-митинги, диспуты. Кипела жизнь и в петроградском Доме литераторов (Бассейная, 11).

Об этом интеллектуальном кипении и бурлении скептически писал Александр Амфитеатров:

«Славны бубны за горами, но кто наблюдал их добросовестно и вблизи, того они провести не могут. Грубо лицемерный характер их был подмечен даже таким двусмысленным путешественником и присяжным хвалителем большевиков, как Г. Уэллс. Внутри же страны все эти – «Дом ученых», «Дом искусств», «Всемирная литература» – содействуют, в сущностве своем, одной цели: срывать забастовку интеллигенции и литературный саботаж. Нащупывать в литературной среде слабость, хилость, неустойчивость, которые, при необычном режиме обстоятельств, не выдержали характера и пойдут на компромиссы с торжествующей политической истерией».

И горький вздох Амфитеатрова: «Коммунистическая революция душила нас мертвою хваткою, но ее конституция не могла отказать нам в некотором подобии автономной хозяйственной организации».

И еще одна важная деталь: «Комиссариат народного просвещения в лице Луначарского и его петроградского заместителя Гринберга был бесконечно сконфужен дикостью коммуни-

стического гонения на литературу и, если не помогал ей, то, по крайней мере, и не распинал ее, умывая руки, как Пилат…»

Надо сказать о судьбе Захария Гринберга. После отставки Луначарского он работал в Институте мировой литературы. Был репрессирован в начале антисемитской кампании «борьбы с космополитами» и погиб в 1949 году в возрасте 60 лет.

Большая заслуга Луначарского состояла в открытии Пушкинского дома (20 апреля 1918), который вскоре превратился в Институт новой русской литературы, и три года директорствовал в нем Луначарский. Институт сделал много полезных дел и в пропаганде пушкинского наследия, и в изучении древнерусской литературы, в частности «Слова о полку Игореве».

А спасение музея Бахрушина в 1918 году, когда здание подверглось обстрелу и разорению, и тогда Луначарский распорядился дать музею охрану из взвода латышей, этих «советских швейцарцев», и тем самым сохранили бесценные реликвии, собранные Бахрушиным, правда, не все, но какую-то все же часть.

Благие дела Анатолия Васильевича можно перечислять и перечислять, но все равно в глазах многих российских интеллектуалов он виделся лишь в образе большевистского злодея. Михаил Кузмин записывал в дневнике: «Ведь это все призраки – и Луначарский и красноармейцы, этому нет места в природе, и все это чувствуют. Какой ужасный сон». (12 ноября 1918).

А тем временем Луначарский являлся не губителем русской культуры, как многим казалось, а ее спасителем. Горячий поклонник театра Денис Лешков в своих записях отмечал, что к 1919 году «от русского балета остались одни ошметки, осколки расколоченной некогда роскошный вазы, которые «героически боролись в холодном нетопленом театре за флотские пайки держать знамя не понятного никому искусства, а оно увядало, как неполитый цветок». Как ни старался Луначарский усматривать в нем возможности грандиозных ритмически согласованных праздничных революционных шествий – из этого вышел такой «Красный вихрь», от которого так тошнило и артистов и зрителей, что балет потерял и последнее свое основание – форму. Совершенно то же явление наблюдалось и в опере и даже в драме…»

А что было с печатью? На второй день октябрьского переворота 27 октября 17-го был издан декрет о печати за подписью Ленина, готовил Луначарский – декрет осуждал вред, наносимый «контрреволюционной печатью» и вводил «временные и экстренные меры для пресечения потока грязи и клеветы». Временные оказались постоянными. После декрета Луначарский не раз печалился и тревожился по поводу нападок и запрещения не только буржуазных, но и социалистических газет, «некоторых закрытий и арестов». Как бы то ни было, но после декрета свобода печати была схвачена за горло.

Необходимо хотя бы немного сказать о реформе в области образования. Обратимся к воспоминаниям современника (М. Стоюнина. Исторический альманах «Минувшее». 7 – 1992):

«После большевистской революции Советское правительство приняло меры, разрушающие и семью и среднюю школу. Деятельность комиссара народного образования Луначарского открылась воззванием к учащимся, напечатанным в газетах. Сущность его заключалась в словах: не слушайтесь ваших родителей, не слушайтесь педагогов, ваших наставников. Влияние семьи вредно отражается на школе, его нужно парализовать, детей отдалить от родителей, а также и от влияния педагогов, не способных воспринять новые идеи…»

Делалось все, чтобы разложить старую школу и усиленно насадить в нее коммунизм.

Леонид Андреев в письме к Павлу Милюкову 26 июля 1919 года: «…действительно, все разрушено, и мне страшно подумать, что, например, представляет собою теперешняя молодежь из школ Луначарского: какая пустота, какая мерзость душевная, какой тлен! И прежде Россия была бедна интеллигенцией, а теперь нас ждет такая духовная нищета, сравнительно с бедствиями которой экономическая разруха и голод являются только наименьшим злом. Внешне нам могут помочь иностранцы, а кто спасет нас изнутри? Только энергетическая работа всех

оставшихся и хранящих традиции русской культуры может спасти народ и страну от окончательной гибели».

Луначарский бился за новую школу, «объединенную рабочую школу», как ее называли, которая обеспечивала обязательное, общее для мальчиков и девочек, свободное и светское обучение. Более того, он требовал, чтобы новая школа давала политехническое образование. И еще Луначарский боролся за введение широкой учебной программы, в которой были даны основы знаний в культурной и научной сферах. Луначарский полагал, что сначала нужно впитать в себя культурное наследие прошлого, а уж потом непременно должна появиться пролетарская культура.

В 1925 году Луначарский заявил: «Мы можем сказать, что достижение права на просвещение было главной, центральной целью революции. Революция была борьбой масс за право на просвещение». Это было продекларировано на Всесоюзном празднике науки.

Но так считал романтик от просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. А у подлинных вождей революции были иные задачи и цели: сначала мировая революция, потом победа в Гражданской войне, индустриализация и коллективизация, и уже при Сталине – создание советской империи. Империи зла, как скажут позднее на Западе.

Позитивы и негативы

Необходимо вспомнить и такой эпизод из жизни и деятельности Луначарского, как тайный переезд советского правительства из Петрограда в Москву. На совещании большевистских лидеров, где решался этот вопрос, Луначарский был единственным, кто не захотел покидать столицу на Неве и заявил, что он нужен именно в Петрограде. Он и остался примерно на год в Питере (вместе с Зиновьевым), а Наркомпросом в Москве руководил его заместитель, историк Михаил Покровский.

К Луначарскому шли толпами. Просили. Умоляли. Требовали. Кому что надо: искали защиты, покровительства, содействия, работы. Хотели получить от наркома продовольственного пайка, дров, бумаги, разрешения на издания книги, постановки пьесы, визы на выезд из страны… И он, как правило, содействовал, помогал, разрешал, или, как мы говорим сегодня, разруливал ситуацию.

Среди тех, кому помог выехать из России, был Вячеслав Иванов. Его Луначарский отпустил под обещание, что за границей он не будет печататься в антисоветских изданиях. Помог уехать Ивану Шмелеву. Писатель признавался в письме к Вересаеву: «Москва для меня – пустое место. Москва для меня – воспоминания счастья прошлого… Зачем я России? Я иждивенец, приживальщик, паечник… т. е. дармоед. А вне России? Я, может, буду там на черной работе где, но я буду другой. Я найду силы стать писателем…»

Вот, к примеру, подлинное удостоверение:

«Настоящим удостоверяю, что Народный Комиссар по Просвещению находит вполне целесообразным дать разрешение писателю Алексею Ремизову временно выехать из России для поправки здоровья и приведения в порядок своих литературных дел, т. к. сочинения издаются сейчас за границей вне поля его непосредственного участия.

Нарком по просвещению А. Луначарский».

7 августа 1921 Ремизов с женой покинул Россию… А до этого Ремизов подвергся аресту ЧК и был освобожден лишь благодаря заступничеству все того же Луначарского. «А когда я «по недоразумению» попал на Гороховскую (дело о восстании левых с.-р., сами посудите, какой же я «повстанец»), первые слова, какими встретил меня следователь: «Что это у вас с Луначарским, с утра звонит?» И я робко ответил: «Старый товарищ», – так писал Ремизов в книге «Иверень».

В 1919 году был подвергнут аресту знаменитый театральный критик, публицист, журналист Александр Кугель («Гейне из Мозыря», – как его кто-то назвал). Близкие Кугеля бросились к Марии Андреевой его спасать, а она: «В первый раз слышу эту фамилию. Кугель… А чем он так знаменит?» Поэтесса и журналистка Августа Даманская вспоминает: «К счастью, вечером того же дня вернулся из Петербурга куда-то уезжавший Луначарский и, узнав об аресте Кугеля, поехал в тюрьму, извлек его оттуда и в своем автомобиле доставил домой».

Таких историй благополучного вызволения из лап ЧК было немало. Хотя были и другие примеры.

Возьмем воспоминания Мины Свирской (легендарная женщина, которую первый раз арестовали в марте 1921 года, в общей сложности она провела, с перерывами, в тюрьме, лагере, ссылке около 25 лет). Она рассказывала о том, как в день похорон Петра Кропоткина вечером в Плехановском институте состоялся доклад Луначарского о международном и внутреннем положении страны. Свирская пишет:

«Переполненная аудитория, прежде чем предоставить слово Луначарскому, потребовала от него гарантии свободы слова и личности выступающих. Луначарский заверил аудиторию своим «честным словом» и заявил, что ни один из выступающих не будет арестован…»

И что же? По выходе из зала несколько выступающих резко и оппозиционно были арестованы агентами ЧК. Свирская бросилась к Луначарскому, он ответил: «Будьте спокойны, вы не успеете доехать до дома, как они будут освобождены». Но шли не часы, а дни, и друзья мои оставались в Бутырках. Снова я добилась встречи с Луначарским. Узнав от меня, о чем идет речь, он весь съежился, как от удара, и пробормотал:

– Ну, что я могу поделать».

Эта история быстро облетела многих, и кто-то сказал Свирской: «Нашли кому поверить! Луначарскому! Эх, поверили Луначарскому!»

Что сказать сегодня по данному эпизоду? Луначарский был силен, но не всесилен. Иногда ведомство Дзержинского к его мнению прислушивалось, а иногда просто игнорировало, подумаешь, наркомпросвещатель!..

Другое дело: культура. Тут Луначарский многое мог делать и делал. Именно он организовал приезд в молодую советскую республику Айседоры Дункан: еще бы, танцевала на сцене с красным флагом в руке. Ей отвели особняк на Пречистенке, где Дункан открыла школу пластики для пролетарских детей. Еще Луначарский способствовал открытию летом 1919 года в Москве института «Ритмического воспитания». Он просуществовал до апреля 1924 года. Возникла и Ассоциация педагогов-ритмистов, почетным председателем был избран Луначарский. 1 февраля 1920 года состоялся вечер, посвященный первому выпуску института, и, конечно, на нем присутствовал Луначарский.

Но все же главным для Луначарского, как наркома и литератора, оставалась литература. Он руководил литературным процессом и сам в нем активно участвовал как автор. Луначарский был застрельщиком классового пролетарского культурного строительства, но при этом был противником тотального контроля над литературой. Он говорил: «Государство может пресекать вообще контрреволюционное, но заявлять: ему не нравятся такие-то краски, такое-то сочетание слов, такое-то направление в искусстве – культурное государство не смеет».

Однако декларированные слова – одно, а практика – совсем иное. С классовой позицией Луначарского многие писатели и деятели культуры были категорически не согласны. 2 ноября 1918 года Михаил Чехов написал Луначарскому письмо-кредо, в котором утверждал, что искусство – не агитка, а «тайна недоговоренности». Владимир Короленко в письме к наркому просвещения отмечал, что «русская литература, и притом вся она, без различия партий, оттенков и направлений – не с вами, а против вас».

То есть сопротивление было большое, и Луначарский пытался его преодолевать, подчас искусно лавируя между требованиями партии и творческим духом старой интеллигенции. Он

много выступал, писал предисловия к различным книгам, не случайно пародист Александр Архангельский сочинил на него эпиграмму:

О нем не повторю чужих острот.
Пускай моя звучит свежо и ново:
Родился предисловием вперед
И произнес вступительное слово.

Луначарский был легок на подъем. В Гражданскую войну мотался по фронтам и выступал как комиссар-пропагандист. В послевоенное время старался быть почти на всех главных мероприятиях: на открытии памятника, на премьере в театре, на каком-нибудь юбилейном заседании… в консерватории… на кинофабрике… Он любил посещать мастерские художников, репетиционные театральные залы… У него не было границы между буднями и праздниками, он работал без выходных. И выступал, выступал…

Публичные выступления были коньком Луначарского. Без всяких затруднений, легко и со знанием дела, он мог прочесть лекцию о Бетховене или Вагнере, обсудить последние достижения в медицине или выдвинуть свою неожиданную теорию в области океанографии. Современники считали, что говорить речи – вообще единственное, на что способен нарком просвещения.

Из воспоминаний партработника Михаила Францева: «В 1919 году пришлось мне один-единственный раз быть у Луначарского на приеме в Наркомпросе. Беседа продолжалась полчаса… Лет через 6–7 встретился я с ним на какой-то конференции. Подхожу: «Здравствуйте, Анатолий Васильевич! Вы, конечно, меня не помните. Я…» Но тут он меня прерывает, кладет руку на плечо. «Постойте, постойте, не говорите, я вспомню». Анатолий Васильевич смотрит мне в глаза и медленно говорит: «Ваша фамилия Францев. Зовут вас… Михаил Михайлович… Стойте, стойте. Вы заведовали Курским губоно. Вы были у меня с докладом в 1919 году».

Я стоял перед ним, раскрыв рот от удивления. Боже мой, какая же память у человека. Фотографическая! А Луначарский, очень довольный, посмеиваясь, стал напоминать, о чем мы говорили, что я просил в Наркомпросе и как потом был решен вопрос на коллегии. Я уже ничего не помнил. А он помнил, хотя в тот день у него наверняка были десятки встреч, разговоров, выступления и другие дела».

Рассказывает работник «Вечерней Москвы» Федор Левин. 2 мая 1932 года умер известный критик Петр Коган. Фирсов звонит Луначарскому: «Да, внезапно… Нам нужен некролог. Если мы получим его через час, то успеем дать в сегодняшнем номере газеты. Может быть, вы напишете. Мы пришлем к вам за ним. Что? Что? Хорошо, Анатолий Васильевич! Сейчас!» А далее Луначарский с ходу в телефонную трубку наговорил текст. Работники «Вечерки» ахнули: «Какой человек! Ему надо уже было уезжать, он задержал машину. А память, какая память!» Действительно, Луначарский вспомнил все: дату и место рождения Когана, его образование, перечислил все основные труды и заключил все собственной характеристикой.

В том же 1932 году Луначарский сменил на посту главного редактора Владимира Фриче и с 6-го номера повел Литературную энциклопедию. Он и в редакции поражал всех своими знаниями и памятью. Никто не мог вспомнить, к примеру, какого-нибудь французского поэта XVII века, а он его знал, читал, помнил. Помощь Луначарского всегда была бесценна.

У Эдварда Радзинского есть рассказ. Руководитель культуры РСФСР некто Козлов попадает в мастерскую скульптора, который изобразил скорбящую мать в беззвучном вопле.

«– Добре, добре… – сказал Козлов, обошел мемориал. – Все добре… Но чего эта она у вас так орет?

– Она зовет Луначарского! – ответил скульптор.

– Не понял? – сказал Козлов. Он действительно не понял…»

Давно нет Анатолия Васильевича, и никто не способен ничего объяснить в культуре и искусстве. «На редкость богато одаренная натура…» – выразился о Луначарском однажды Ленин.

Кстати, вспомним и ответный реверанс. Луначарский однажды как-то признался своей второй жене Розенель: «Извини, Наташа, но главный человек в моей жизни – Ильич…» Но тут же спохватился и добавил: «Но тебя я тоже люблю».

Это отношение к Ленину. А как складывались у Луначарского отношения с другими известными людьми? К примеру, с Горьким? Тоже сложно и неоднозначно. Вместе занимались богостроительством. После революции верховодили в советской литературе. Из воспоминаний Ивана Гронского, главного редактора «Известий», «Нового мира», «Красной нови», председателя Оргкомитета Союза советских писателей:

«Алексей Максимович относился к Луначарскому чрезвычайно тепло и считался с ним.

Луначарский был энциклопедически образованный человек, талантлив был до одурения, блестящий оратор, блестящий публицист и прекрасный собеседник, человек потрясающей одаренности. К сожалению, в политике он часто сбивался, сдавали нервы, и, может быть, этой своей чертой он тоже несколько импонировал Горькому, так как Горький также сбивался в политике и при трудных событиях немножко нервничал.

Вот эти колебания Анатолия Васильевича, чрезмерная мягкость разделялись Горьким. Горький относился чрезвычайно мягко к людям, даже к людям, враждебно настроенным к советской власти, за что его в свое время выбранил Сталин…» (Минувшее, 10 – 1992).

Максим Горький, признавая большие способности Луначарского, все же считал, что в нем «слишком много от книжного червя». Удивляло Горького в Луначарском и то, что не употреблял «непечатных выражений», что было «общей практикой» в среде большевиков и писателей. Возможно, вовсе не случайно Луначарский оставил исследование о Климе Самгине, что-то в этом горьковском образе привлекало Анатолия Васильевича. Может быть, смятение перед большевистским напором и жестокостью?..

Луначарский и Маяковский. Симпатии и разногласия, Маяковский учил диалектику не по Гегелю, а Луначарский по Гегелю и другим классикам философии. Но когда нарком и поэт сходились за бильярдным столом, Анатолий Васильевич неизменно говорил:

– Ну, Володя, вы меня сейчас разделаете под орех.

– Я не деревообделочник, – шутливо в своей манере отвечал Маяковский.

Короткая выдержка из воспоминаний Давида Бурлюка, относящаяся к 1918 году: «Луначарский побывал у нас и указал, как много, выпукло, ярко итальянец Маринетти и Ко сделали и… как бледны и неопределенны мы – русские футуристы. Маяковский отвечал покладисто…»

Луначарский и Владимир Короленко. Второй был возмущен «диктатурой штыка», проявившейся ярко в 1920 году: «Мы, как государство, консервативны только в зле. Чуть забрезжит что-то новое, получше, гуманнее, справедливее, и тотчас гаснет. Приходит «новый курс» и отбрасывает нас к Иоанну Грозному…»

В истории остались письма Короленко к Луначарскому, датированные 1920 годом. В них крик и боль души Владимира Галактионовича. Вот только одна выдержка, касательная свободы мысли: «Нормально, чтобы в стране были представлены все оттенки мысли, даже самые крайние, даже самые неразумные. Живая борьба препятствует гниению и претворяет даже неразумные стремления в своего рода прививку: то, что неразумно и вредно для данного времени, часто сохраняет силу для будущего…»

Короленко апеллировал к Луначарскому, но от него практически ничего не зависело. Он-то был гуманист чистой воды, да кремлевские вожди были совсем другого разлива.

Однако пойдем дальше. Луначарский и Шаляпин. Луначарского крайне возмущала аполитичность русского гения, все его циничные заявления, что ему все равно, кто там у власти, лишь бы жратва была. Их хорошие отношения кончились тем, что в 1927 году Шаляпина

лишили звания Народного артиста республики. И Луначарский объяснил в «Красной газете» за что: «в связи с политически ненормальным поведением…» Мол, нельзя быть враждебным к советской власти.

Луначарский и Мейерхольд. О Всеволоде Эмильевиче можно найти прелюбопытный пассаж в мемуарах Виктора Ардова: «Он был в общем-то человеком не от мира сего. То он задумал занять место Луначарского и стал вести интриги, чтобы его назначили наркомом. Это была совершенно бессмысленная затея, которая кончилась тем, что Луначарский в порядке мести отнял у него театр…» Потом театр был возвращен. В дальнейшем Луначарский осудил спектакль Мейерхольда «Великодушный рогоносец», посчитав постановку режиссера возмутительной, что лично ему наплевали этой постановкой в душу.

О Луначарском Ардов попутно заметил, что он «человек добрый и добропорядочный». Но были, разумеется, и другие мнения и оценки. Бунин назвал Луначарского «гадиной». Кто-то – «хлыщ». Михаил Кузмин – «балалайкой». Эренбург – «эстетом от Совдепии», Марк Алданов – «феноменальным пошляком».

Припечатал Луначарского и Викентий Вересаев в своих «Литературных воспоминаниях»:

«Луначарский – это захлебывающаяся самовлюбленность. Он тщеславен, как маленький ребенок, не сомневающийся, что он – самое великолепное существо во всем мире и что все в душе убеждены в том же. Поэтому не устает говорить о себе и восхвалять себя, поэтому мелко и злобно мстителен за всякий неблагоприятный отзыв о нем: если кто-нибудь его не хвалит, то, очевидно, что-нибудь имеет против него. Совершенно не чувствует, как бывает часто смешон».

Зубодробительно, да? Можно после таких слов и стреляться. Но все эти вересаевские инвективы, конечно, очень субъективны и продиктованы какими-то последствиями контактов с Луначарским, возможно, какими-то запретами наркома. Не будем гадать. Лучше приведем другую выдержку из воспоминаний Исаака Ямпольского, профессора Ленинградского университета, историка литературы. В 1931 году его в «Европейскую гостиницу» пригласил дальний родственник, литературовед Александр Дейч: «…Скоро в номер зашли Луначарский и Н. А. Розенель, с которыми Дейч меня познакомил. Розенель тут же испарилась, отправилась по каким-то своим делам, а Луначарский сказал: «Что же мы будем сидеть здесь, посидим лучше в ресторане». В ресторане (где-то сбоку, не на виду) мы были довольно долго. Я, разумеется, все больше слушал, а говорил и рассказывал Луначарский, говорил живо, остроумно, упоминая о разных московских деятелях, преимущественно театральных, давая всем лаконичные и яркие характеристики… Но меня поразило вот что. Я был для Луначарского совершенно неведомым молодым человеком, о котором он ровно ничего не слышал. Однако ни одним словом, ни одной интонацией он не показал той дистанции, которая разделяет его, многолетнего наркома просвещения, всем известного публициста и критика, и меня, начинающего историка литературы. В этом проявилась удивившая меня высшая интеллигентность Луначарского, увы, встречается довольно редко даже у бесспорно интеллигентных людей, которые не могут удержаться от того, чтобы не показать свое превосходство».

Так каким был на самом деле Луначарский?

В том же 1931 году русский язык обогатился новым словом: «лишенец», то есть человек, лишенный продовольственного пайка. Таким лишенцем стал и… Константин Сергеевич Станиславский. До тех пор пока Луначарский, поняв всю глупость ситуации, не привез великому реформатору театра с извинениями хлебную карточку – как символ реабилитации. А скольких ранее, в 20-е годы, известных людей Луначарский спас от голода. Многим выхлопатывал визу на отъезд за границу, чтобы там «подкормиться», – об этом рассказывает Нина Берберова в своей книге «Курсив мой» и в скобках добавляет: «Спасибо Анатолию Васильевичу!»

Так самовлюбленный или гуманный по отношению к ближним человек?..

И для равновесия еще один негатив. Про Луначарского ходило среди прочего и такое воспоминание, очень похожее на мифологическое. Вот оно:

Как-то раз один из старых друзей Анны Ахматовой пригласил ее к себе. Одновременно в гости ожидался тогда пролетарский вельможа Луначарский. Встреча была задумана с тайным желанием помочь писательнице восстановить старые связи, так как когда-то, до коммунистической революции, Ахматова и Луначарский встречались в литературных салонах.

Он вошел важный и толстый. И когда ему представили поэтессу, изобразил на своем жирном лице рассеянное равнодушие. И небрежно уронил:

– Мы, кажется, знакомы?

Перед ним сидела худощавая стройная женщина, с таким тонким, одухотворенным лицом, которое, увидев один раз, никогда не забудешь. Она спокойно подала ему узкую, красивую руку и очень вежливо ответила:

– Не припомню.

В тайниках души хозяин и гости были восхищены ответом Ахматовой, но план хозяина был разрушен.

Автор приведенного рассказа явно развел Ахматову и Луначарского по разным сторонам: ее в сторону благородства, его – в сторону низости и надменности.

Луначарский как литератор

Он писал стихи, пьесы, прозу, но при этом трудно назвать Анатолия Васильевича поэтом, драматургом и писателем. Скорее всего для него подходит слово «литератор». В принципе тоже вполне благодостойное определение. Он написал чрезмерно много. Много и мусора, но среди него можно обнаружить и оригинальные находки, и литературные блестки. Вот, к примеру. Отрывок из поэмы «Концерт»:

…Наймись в рабы, наймись в шуты,
Чтоб черт побрал излишних!
Служи, шути – тили-ти-ти!..
Ты – для других, бесправен ты,
Лакей животных пышных.
Тили-ти-ти, тили-бум-бум,
Тили-на-на, тили-ла-ла!
Да здравствует базарный шум!

Базарный шум – это что? Предвидение России конца XX – начала XXI века? И там же, в той далекой поэме:

Все продается. Пламя дум,
Возвышенное чувство.
Изволь продать – тили-бум-бум!
И превращай в шурум-бурум
Науку и искусство!..

Лихо, Анатолий Васильевич, лихо. В работе «Основы позитивной эстетики» (1923) Луначарский писал: «Творческий процесс – счастливая, свободная игра духовных и физических сил творца». Значит, шурум-бурум? Этого шурум-бурума Луначарский много произвел сам, особенно в своих пьесах, которые он называл «драмолеттами», где фарсовые мотивы переплетаются с приемами философской пьесы. Всего таких одноактных пьес Луначарский написал

около 20, а первую – «Королевский брадобрей» – в петроградской тюрьме в 1906 году. Неоконченной оказалась трилогия о Фоме Кампанелле.

Цитируемый ранее Денис Лешков вспоминал: «В драме начались постановки графоманического А. В. Луначарского: «Фауст и Город», «Канцлер и Слесарь», «Королевский брадобрей», «Яд» и «Бархат и лохмотья». Про последнюю пьесу в Москве сложили не лишенное остроумия четверостишие:

Нарком, сбирая рублики,
Стреляет прямо в цель.
Лохмотья дарит публике,
А бархат – Розенель.

Вся «революционность» этого цикла пьес заключалась по преимуществу в их крайней несценичности…»

Но их ставили. Автор – нарком: куда денешься… Это герой комедии Луначарского «Другой климат» (1926) жаловался на редактора: «Что же, Павел Иванович, с голоду мне помирать? Напишу талантливо – вы говорите: неблагонамеренно. Напишу благонамеренно – вы говорите неталантливо…»

Сам Луначарский, видимо, считал, что он пишет талантливо и благонамеренно, тем более что он был одним из тех, кто устанавливал правила игры.

Александр Блок в письме к Нувелю отмечал, что, знакомясь со сборником «Знания», многих не хочется читать и… «помилуй Бог, Луначарского».

Леопольд Авербах, весьма прыткий молодой человек, редактор журнала «На литературном посту» и генеральный секретарь РАППа, говорил Луначарскому прилюдно: «Мы вас ценим, но пьес ваших не любим. Бросьте эту пустую затею…»

Луначарский бросить не мог, ибо возглавлял Союз революционных драматургов. Да к тому же признавался, что пишет исключительно потому… впрочем, лучше приведем его слова точно: «Я просто хотел забыться и уйти в царство чистых образов и чистых идей». В подтексте читалось: устал от борьбы и революции.

Одним из яростных критиков Луначарского был писатель Марк Алданов. Он неистовствовал: «Этот человек, живое воплощение бездарности в России, просматривает, разрешает, запрещает произведения Канта, Спинозы, Льва Толстого, отечески отмечает, что можно, чего нельзя. Пьесы г. Луначарского идут в государственных театрах, и, чтобы не лишиться куска хлеба, старики, знаменитые актеры, создавшие некогда «Власть тьмы», играют дево-мальчиков со страусами, разучивают и декларируют «гррр-авау-пхоф-бх» и «эй-ай-лью-лью…»

Алданов написал в 1926 году пространную статью о Луначарском и в ней, можно сказать, уничтожил этого, по его словам, «утонченного большевицкого эстета». В статье Алданов припомнил Луначарскому Ленина:

«Все в Ленине нравилось г. Луначарскому: «Его гнев тоже необыкновенно мил. Несмотря на то, что от грозы его действительно в последнее время могли гибнуть десятки людей, а может быть, и сотни, он всегда господствует над своими негодованием, и оно имеет почти шутливую форму. Этот гром, «как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом». Полагаю, что на этом изображении Ленина, который так необыкновенно мил, в почти шутливой форме, резвясь и играя, умел губить десятки и сотни людей, можно составить политическую характеристику г. Луначарского. Да в ней собственно надобности нет: ведь главная прелесть тепличного растения, как сказано, заключается в его драматическом творчестве».

А далее Алданов по косточкам разбирает пьесу Луначарского «Канцлер и Слесарь», где среди героев действует графиня Митси, «очень шикарная женщина», и она изъяснятся следующим образом:

«Боже мой, как мне хочется танцевать! Не надоевшие танцы, не танго даже, а безумие любви перед глазами смерти. Вот! Чтобы сидела смерть с пустыми глазами, а мне, обнаженной, объяснять бы ей без слов, что такое упоение страсти… Радефи, сыграйте какой-нибудь сверхдемонический вальс».

А вот еще графиня Лара: «Конечно, смерть – это ужасно интересно. Я никому не советую жизнь жить. Мне 19 лет, но я уже не могу ждать неизведанного. Все слишком прозаично. Хочется другой земли и другого неба».

«Пьесы г. Луначарского, – пишет далее Алданов, – редко называются просто пьесами. Обычно они носят название «мистерий», «драматических сказок», «драматических элегий», «идей в масках» и т. д. Действия этих шикарных произведений происходят в местах, исполненных крайней поэзии, главным образом в готических замках с самыми шикарными названиями…»

Откуда такая тяга к фантазиям и шикарности? Алданов приводит слова Луначарского: «Одним из оснований моего решения издать эту книжечку была надежда, что, может быть, чтение ее доставит также кое-кому тень того сладкого и глубокого отдыха, который доставило мне ее сочинение».

Алданов отрицал такой посыл как ложный. Но, возможно, Луначарский был по-своему прав, создавая свои шикарные пьесы с красивыми графинями, ибо отчетливо понимал, что «история совершается и еще долго будет совершаться среди крови и слез. Изменить это положение вещей никто не в состоянии» (статья «От Спинозы до Маркса», 1925). А раз так, то необходим отдых, забвение, «целебный курорт».

Создавая иллюзорные или иллюзионные пьесы, Луначарский тем не выдвинул лозунг «Назад к Островскому», к сугубо реалистическим пьесам, драмам и комедиям, когда «Бедность – не порок» и когда «Правда – хорошо, а счастье лучше».

В 1927 году в Советский Союз приехал как бы на разведку композитор Сергей Прокофьев (кстати, он уехал из страны благодаря разрешению Луначарского). Прокофьев ходил в театры, в концертные залы, присутствовал при некоторых совещаниях деятелей искусств. И вот что он записал в дневнике 15 февраля об одном из них:

«Бой был между двумя лагерями: коммунистическим, желающим из театра сделать прежде всего оружие пропаганды («коль на рабочие деньги, так чтобы в пользу рабочему классу»), и театральным, желающим, чтобы театр прежде всего был театром, а не политической ареной («коль на деньги рабочих, то чтобы рабочим было интересно»).

Соль в том, что коммунистическую точку зрения защищали, разумеется, коммунисты, а театральную – не коммунисты, а может, и антикоммунисты, а потому последних можно было в любой момент обвинить в контрреволюции, и, следовательно, им надлежало быть очень осторожными и скромными.

Луначарский же, председательствовавший совещанием, предпочитал молчать: по положению он коммунист, но по вкусам эстет и театрал, а потому ему тоже надо было лавировать…»

Анатолий Васильевич и лавировал.

Луначарский твердо стоял на защите русской классической литературы. Но и советскую, как народный комиссар, поддерживал и пестовал, считая, например, «Мать» Горького – «изумительной социалистической поэмой». В многочисленных статьях и рецензиях Луначарский похваливал Маяковского и Есенина, Демьяна Бедного и Фурманова, Серафимовича и Сельвинского, Лавренева и Киршона, и многих других, как маститых, так и молодых.

Валерий Брюсов посвятил Луначарскому стихотворение, где были такие строки:

Ты широко вскрываешь ворота
Всем, в ком трепет надежд не погиб, —
Чтоб они для великой работы

С сонмом радостным слиться могли бы…

В доме Луначарского часто гостили молодые комсомольские поэты Александр Безыменский, Александр Жаров и Иосиф Уткин. «Когда они впервые появились в его кабинете, после беседы и чтения стихов, Анатолий Васильевич, – вспоминала Розенель, – радостный, оживленный, вышел из своей комнаты:

– Бросай все и приходи послушать! Как талантливо!»

Интересно, что читали молодые гости? Может быть, Уткин декламировал свою «Повесть о рыжем Мотэле»: «Чего хотел, не дали. Но мечты его с ним!..»

Не-ет, он шагал недаром
В ногу с тревожным веком.
И пусть он – не комиссаром,
Достаточно —
Че-ло-ве-ком!

Кстати говоря, Луначарский не только умел внимательно слушать, но и сам замечательно читал стихи и прозу, меняя тембр голоса, ритм, акценты. Однажды в гостях у Шаляпина в присутствии Горького Анатолий Васильевич прочел «Моцарта и Сальери» Пушкина, после чего Алексей Максимович со слезами на глазах расцеловал его, повторяя: «Нет, Федор, не обижайся, но у тебя так не получится».

Однако следует сказать, что Луначарский, как нарком, был постоянно начеку по поводу политических оценок и выводов. Как-то Николай Эрдман прочитал ему свою сатирическую комедию «Самоубийца», где было много различных выпадов против власти («Интеллигенция – красная рабыня в гареме пролетариата» и прочие перлы). Луначарский смеялся чуть не до слез и несколько раз принимался аплодировать. Но после прослушивания обнял Николая Робертовича за плечи и довольно твердо сказал: «Остро… занятно… но ставить «Самоубийцу» нельзя».

Как человек – смеялся. Как нарком – запрещал.

Еще один запрет. Когда ему намекнули, что Марина Цветаева не прочь вернуться на родину, он воспротивился и сказал, что в этом нет необходимости, очевидно, помня стихи Марины Ивановны, посвященные белой армии, и слова о том, что «моя Родина везде, где есть письменный стол, окно и дерево под этим окном…» А вот Максимилиану Волошину Луначарский пошел навстречу и разрешил ему создать в Коктебеле дом для отдыха и работы писателей.

Добавим к многогранной деятельности Луначарского и его занятия переводами, в частности, он переводил стихи Гельдерлина, Ленау, Петефи… Если говорить об общем объеме написанного, то это – около 2 тысяч статей, рецензий, докладов, очерков по литературе и искусству. Плюс многочисленные письма. И солидный дневник, до сих пор не изданный.

Последние годы

Луначарский боролся за нового советского гражданина, эдакого рабочего-интеллигента, новой фигуры из новой эпохи Возрождения. А стране, партии, Сталину нужны были совсем другие люди: мастеровитые, стойкие, спокойные, верные, преданные «винтики» большой государственной машины. Что касается старой интеллигенции, то Сталин ее откровенно презирал и считал, что пролетариат может провести индустриализацию и без нее, без научных, культурных и административных знаний беспартийных специалистов. Коммунисты могут преодолеть любые препятствия. «Нам нет преград на море и на суше…» – как пелось в популярной песне.

Процитируем еще раз американского профессора Тимоти О'Коннора: «Сталин делал упор на революционную жертвенность и классовую борьбу, что расходилось с призывами Луначарского к социальной гармонии, товариществу и примирению. Предложенная Сталиным фантазия о мощной, индустриально развитой нации, мужественно защищающейся от внутренних и внешних врагов, перспектива работы для тех, кто был лишен гражданских прав при царизме, гораздо больше привлекали рабочих и партийные массы, чем то, о чем мечтал Луначарский – коллективное бессмертие, просвещение и социальное совершенствование путем культурного прогресса. В то время как Сталин и его последователи с успехом искажали утопические мечтания Луначарского, тот в свою очередь был не в силах признать противоречия, недостатки и парадоксы своих грез о социализированном человечестве».

Не отсюда ли рождались такие странные стихи Анатолия Васильевича:

Я устал… не оттого ли
Так столпилися стихи?
Напирают, жмут до боли
На светящие верхи.
Что за бог, иль что за демон
Их рождает в темноте?
То годами жутко нем он,
То, страдая в полноте,
В час, когда устало тело —
Мысли, звуки тучей целой
Шлет сознанью моему.
Будет! – Я себе хозяин!
Бездну грез, фантомов, тайн
Я захлопну, как тюрьму.

Хозяином можно было быть только за письменным столом, в одиночестве, и ночью после интенсивной работы и утомительной борьбы. С каждым годом положение Луначарского в партии ухудшалось. Его обвиняли за философские отклонения от основной линии, постоянно шпыняли за былое богостроительство, и вообще партийная масса сомневалась в его политической лояльности. В их глазах Луначарский был гнилым либералом, особенно после того, как он выступил против чистки в рядах беспартийной интеллигенции, начало которой положило Шахтинское дело 1928 года. Более того, Луначарский посмел покритиковать Сталина и его сторонников за их «грубость и бестактность» в отношении старых спецов и ученых мужей.

Сталин давно недолюбливал Луначарского, как, впрочем, и всю ленинскую гвардию. Ему не понравилось утверждение Луначарского, что Троцкий был «вторым крупным лидером русской революции», а также заявление о том, что «нельзя заменять Ленина одним политическим лидером». Проницательный Луначарский видел, куда катится дело революции и социализма, кожей ощущал стремление Сталина стать единоличным правителем России, ее диктатором и повелителем. Как тут не вспомнить раннюю пьесу Луначарского «Митра-спаситель» (1919), в которой царь Ирод-Архимат говорит: «Я хочу царить без соперников, без равных». – «Для чего?» – спрашивает Митра. На что следует однозначный ответ: «Для власти. Для наслаждения властью».

В октябре 1927 года Луначарский в целях самосохранения вынужден был осудить «троцкистскую оппозицию» и отвергнуть всякую связь с ней, но это его не спасло. В 1929 году Сталин снял Луначарского с поста наркома просвещения, вместо Анатолия Васильевича наркомом стал Андрей Бубнов (из семьи купца, старый большевик без какой-либо эрудиции). Судьба его

была печальна: Бубнов был расстрелян как «враг народа» 1 августа 1938 года. Луначарскому повезло: он умер естественной смертью.

В конце 20-х годов Луначарский потерял большую часть своей прежней живости и искрометной энергии, частично и из-за ухудшившегося здоровья. Пришлось удалить глаз. И как вспоминал Федор Левин: «Я смотрел на него с душевной болью и чувством горестной любви. Ах, как он изменился! Похудел, как-то потускнел лицом. Та же бородка, те же знакомые черты, но когда снял на секунду пенсне, стало заметно, что один глаз живой, блестящий, а другой – мертвый, стеклянный».

В молодости красивый и стройный, Луначарский быстро постарел и казался значительно старше своих лет. С детства слабое его здоровье с годами еще ухудшилось. Сильная близорукость заставляла его носить очки с толстыми стеклами. Потом он перешел на пенсне, но оно лишь подчеркивало его крупный нос. Среднего роста, он казался еще ниже из-за того, что сутулился, а став старше, располнел.

Перестав быть наркомом, Луначарский не оставил своей вулканической деятельности. Продолжал свои литературные труды. С 1927 по 1932 год был членом советской делегации в Подготовительной комиссии в Женеве перед Европейской конференцией по разоружению, затем работал на самой конференции.

1 февраля 1930 года Луначарский был избран действительным членом Академии наук СССР. Стал академиком и по праву. Но и это не избавило его от многочисленной критики. Что тут поделаешь: Луначарский нравился далеко не всем. Вот характерная запись из дневника Вячеслава Полонского от 1 апреля 1931 года:

«На одном из заседаний в Главнауке был зачитан один из трудов: всеобщая история искусства под редакцией А. В. Луначарского. Представитель Изогиза усомнился в идеологической доброкачественности издания. Имя Луначарского его не удовлетворило. «Мы хорошо знаем т. Луначарского, – сказал он, – целый ряд изданий под его редакцией оказался никуда не годным». Он прав. Но дело в том, что т. Луначарский дает имя, ничего не редактируя. Он редактирует все: десятки журналов, обе энциклопедии – литературный отдел БСЭ и «Литературную энциклопедию»; редактирует собрание сочинений Толстого, Короленко, Чехова, Достоевского, Гоголя, главный редактор издательства «Академия», – и еще много изданий. К сожалению, он везде получает гонорар, но редактировать – времени у него нет. Он как бы обложил налогом редакции и издания. Даже собственные стенограммы он не правит: это делает литературный секретарь Игорь Сац (брат Натальи Розенель, жены Луначарского. – *Ю. Б.*). Отредактирует – хорошо. Забудет – не будет стенограммы. Отсюда чудовищные промахи в работах, которые публикуют под именем Луначарского».

Да, был такой грех: Луначарский брался за многое, хотел объять необъятное, а еще многочисленные поездки, выступления.

Из воспоминаний Татьяны Аксаковой:

«В начале 1929 года в связи с приездом в Ленинград А. В. Луначарского был объявлен его доклад о международном философском конгрессе в Оксфорде, с которого он незадолго до того возвратился… Зал в Юсуповском доме был переполнен, но время шло, а лектор не появлялся. Наконец, кто-то с эстрады объявил, что Анатолий Васильевич задержался по весьма срочному и важному делу в Академии, но все же обещает, хоть с опозданием, прибыть. Никто не стал расходиться. Наконец, около 11 часов появился явно взволнованный Луначарский и сказал: «Прошу меня извинить. Я задержался на экстренном заседании совета Академии Наук. На нас пала тяжелая обязанность лишить звания академиков Платонова, Лихачева, Любавского и Тарле». В потрясенном зале воцарилось молчание. Овладев собой, Луначарский перешел к докладу. Излагая свои впечатления о поездке в Оксфорд, он ни на минуту не присаживался и нервно ходил из конца в конец эстрады, изредка взглядывая на молчаливого человека с черными пронизывающими глазами, сидящего тут же за небольшим столиком в качестве секре-

таря. Не знаю, насколько это так, но я слышала, что по причине того, что Анатолий Васильевич в ходе своих речей был способен увлекаться и говорить лишнее, к нему был приставлен в качестве сдерживающего начала этот «секретарь» с черными глазами…»

Добавим к приведенной выдержке. Академики-историки Сергей Платонов, Николай Лихачев, Матвей Любавский и Евгений Тарле были исключены из Академии наук после их ареста в связи с так называемым «делом АН». Да, и за самим Луначарским уже внимательно приглядывали. Не ровен час – и… Но пронесло.

Судя по всему, Луначарский стал постепенно разочаровываться в советской идеологии и находился во внутренней оппозиции к сталинскому правлению. Луначарский и Сталин. Как выразился один зарубежный историк, «никакие другие два характера не были или не могли быть более враждебны друг другу и более несовместимы, чем эти два». Не случайно Луначарский, однажды прочитав высказывание композитора Скрябина о том, что «самая большая власть – власть обаяния, власть без насилия», – подчеркнул ее и на полях статьи сделал пометку: «Очень хорошо». Власть же Сталина держалась исключительно на насилии.

Но хватит политики. Лучше – лирика. В самом начале XX века Луначарский написал такое стихотворение:

Ах, прошло мое лето, и осень прошла,
Осень горько-печальной разлуки!
И последние дни доцветают они,
Полны сладкотомительной муки.
О, последние дни, надо пить вас, как мед,
Старый мед золотистый и сладкий,
Каждый миг надо пить с упоенной душой,
Каждый миг быстролетный и краткий…

Луначарский и пил эти миги. В конце октября 1925 года впервые после Октябрьской революции выехал в Западную Европу. В Берлине встречался с европейскими знаменитостями: Максом Рейнгардтом, Альбертом Эйнштейном, Эмилем Орликом, Максом Либерманом и многими другими. В театре «Фольксбюне» присутствовал на премьере своей драмы «Освобожденный Дон-Кихот». Зрителям она понравилась, и только одна из реакционных газет «Штальхейм» злобно шипела, что «Освобожденный Дон-Кихот» – замаскированная большевистская агитация, которую нельзя терпеть на немецкой сцене, притом агитация, сделанная настолько художественно и ловко, что она способна обмануть бдительность цензуры и именно поэтому особенно опасна.

В ноябре того же 25-го года общественность отметила 50-летие со дня рождения Луначарского и 30-летие его литературной деятельности. Как писала Луначарская-Розенель в книге «Память сердца», «для Анатолия Васильевича было совершенно неожиданно, что его юбилей превратился в такой праздник, в котором участвовали партийные организации, профессура, ученые, просвещенцы, писатели, люди искусства, учащиеся. Был устроен ряд вечеров и торжественных заседаний в Комакадемии, в Академии художественных наук, в Политехническом музее, в Доме работников просвещения, в Малом театре…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.